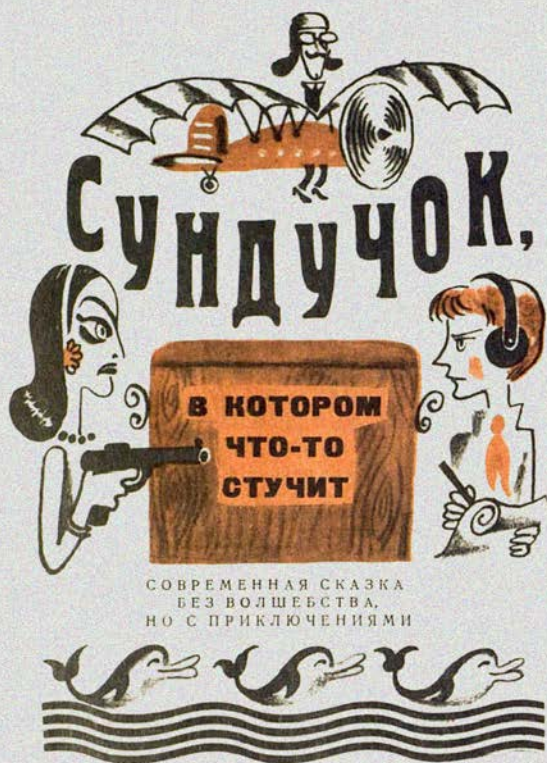

[Polaris]

Василий Аксенов

Факсимильное
издание

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ССІХ

Salamandra P.V.V.

ВАСИЛИЙ
АКСЕНОВ

СУНДУЧОК, В КОТОРОМ ЧТО-ТО СТУЧИТ

Журнальный вариант
Факсимильное издание

Salamandra P.V.V.

Аксенов В. П.

Сундучок, в котором что-то стучит: Современная сказка без волшебства, но с приключениями. Илл. М. Беломлинского. – (Журнальный вариант. Факсимильное изд.). – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 60 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCIX).

Настоящее факсимильное издание представляет приключенческо-фантастическую повесть В. Аксенова «Сундучок, в котором что-то стучит», авантюрное повествование, весело обыгрывающее штампы советской массовой культуры. Повесть представлена в журнальном варианте в сопровождении оригинальных иллюстраций – то есть именно в том виде, в каком она впервые увидела свет в 1975 г. на страницах журнала «Костер».

© Author (estate), illustrator, 2017

© Salamandra P.V.V., оформление, 2017

**СУНДУЧОК, В КОТОРОМ
ЧТО-ТО СТУЧИТ**

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА
БЕЗ ВОДШЕСТВА,
НО С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

Рисунки М. Беломлинского

В КОТОРОЙ
РАССКАЗЫВАЕТСЯ
О НАЧАЛЕ
ВСЕЙ ИСТОРИИ

В тот вечер в квартире Стратофоновых на улице Рубинштейна все было как обычно. Тикали часы, полыхал эстрадой телевизор, тлел камин, пощелкивало паровое отопление, жужжали пылесос, кофемолка, плотно и урчала стиральная машина, но... но дух приключений уже бродил влажной волной по квартире, и все это чувствовали и волновались. Папа Эдуард, не отдавая себе отчета, точил ледоруб и смазывал, мама Элла, не отдавая себе отчета, проверяла кислородную маску для высотных затыжных прыжков, бабушка Мария Спиридоновна, не отдавая себе отчета, месила тяжелыми руками творожную массу и глухо напевала: «На земле не успеешь жениться, а на небе жены не найдешь».

Продолжение повести «Мой дедушка — памятник», печатавшейся в «Костре» №№ 7, 8, 9, 1970 г.

Один лишь Гена, отдавая себе полный отчет в происходящем, строго сидел у приемника в наушниках и с рукой на ключе. Он чувствовал, он почти точно знал, что сегодня что-то произойдет, ибо интуиция никогда или почти никогда не обманывала тренированного пионера.

И впрямь... близко к полуночи из бесконечных эфирных струй выплыл странный-престранный сигнал, адресованный вроде бы ему, Геннадию Стратофонову, но похожий в то же время на размытую морем записку. Но самое главное — там был сигнал «О!».

В полночь собрались все под медной лампой. Завернул на огонек и друг дома капитан дальнего плавания Николай Рикшетников. Последние несколько месяцев капитан провел на суше, работая над кандидатской диссертацией «Некоторые особенности кораблевождения в условиях длительных научно-исследовательских экспедиций на судах типа «Алеша Попович». Работа шла споро, и диссертация, как уверяли знатоки, получалась блестящая, но в свободное время капитан не находил себе места. «Попович» под командой приятеля Рикшетникова опытного штурмана Олега Олеговича Копецкого блуждал эти месяцы среди полинезийских архипелагов.

Итак, капитан Рикшетников забрел на огонек к Стратофоновым и тоже оказался у истоков тайны.

На круглом столе под медной люстрой, переделанной из корабельного кормового фонаря прошлого века, лежал лист ватмана, на который Гена нанес фламастером обрывочные слова в том порядке, в каком выловил их из эфира его радиоприемник. Лист выглядел так.

СТРА 19 УНДУЧОК ОРОМ
ЧТО-ТО УЧИТ АФИЯ ОТН
РИНИН КАНАЛ ПАМЯТЬ НЕ ИЗМЕНЯЕТ
БУРГ ИРЕ БВА ОЛОТЫ РЫЛЬЯ
ФОГЕЛЬ ПОВТОРЯЮ ФОГЕЛЬ
БЕСКОНЕЧНО СПАСИТЕ КУНСТ

При виде такого послания читателю, конечно, будет нетрудно вообразить себя в кают-компании славной яхты «Дункан», в обществе незабываемых лорда Гленарвана, майора Мак-Набса и капитана Джона Мангласа.

— Сегодня было очень много грозových помех, — сказал Гена, — и сигнал очень слабый... очень далекий сигнал. Даю голову на отсечение, но эта станция впервые появилась на частотах коротковолновых.

— То есть как это «голову на отсечение»? — забеспокоилась бабушка Мария Спиридоновна.

— Ах, мама! — досадливо воскликнула мама Элла. — Это фигуральное выражение. Го-

вора «голову на отсечение», никто не думает об отсечении головы.

— Все-таки слишком сильное выражение, — вздохнула бабушка и погладила Гену по голове.

— Какие будут предложения, Генаша? — нетерпеливо спросил папа Эдуард. — Ждать невыносимо. Надо действовать! Но как? В каком направлении?

— Я предлагаю каждому из присутствующих дополнить, дописать эту загадочную радиограмму, — предложил Рикшетников. — В дальнейшем мы все вместе попытаемся суммировать и отобрать плоды нашего воображения. Очень часто истина скрывается в самых нелепых наших домыслах. Начните вы, дружище Эдуард.

— Охотно! — воскликнул папа Эдуард, скромный почтовый работник и знаменитый альпинист. — Я бы представил себе текст радиограммы так. «Стратофонтовым. На высоте 6.719 метров в северо-западном районе горной системы Гиндукуш на восточном склоне пика Аббас, где в прошлом году потерпела неудачу экспедиция Хиллари, в пещере над отрицательным уклоном в 18° скрыт сундучок, в котором что-то стучит...»

— Далеко вы ушли, дружище Эдуард, — улыбнулся капитан Рикшетников и повернулся к маме Элле. — А вы попробуйте, дружище Элла!

— У меня будет рочка, чем у Эдьки, — энергично сказала мама Элла — скромный библиотекарь и чемпион по затыжным прыжкам — и придвинула к себе ватман. «Стратофонтовым. Необходимы самолеты и парашютисты для высадки на скалистом острове Лилуока 19° широты и 19° долготы, где находится сундучок, в котором что-то стучит...»

— По моему, это ближе к истине, — торопливо вставила бабушка. — Самолеты — это ближе к истине.

— А как бы вы начали, дружище Николай? — обратился Гена к своему старому другу.

Рикшетников с улыбкой произнес, глядя на ватман:

— Я бы начал так. «Стратофонтовым для Рикшетникова с борта экспедиционного судна «Алеша Попович».

Срочно вылетай на Таити и не забудь с собой сундучок, в котором что-то стучит. Тот самый сундучок, в котором коньячок...»

— Боюсь, что все это не очень серьезно, друзья, — сказал Гена своим родителям и своему капитану. — Вы выдаете желаемое за действительность, а на деле мы не продвинулись вперед ни на дюйм...

— Ошибаетесь, дружище Геннадий, — сказал Рикшетников. — Неужели вы не заметили, что у всех у нас троих «сундучок-отором-что-то стучит» произвольно превратилось в «сундучок, в котором что-то стучит»?

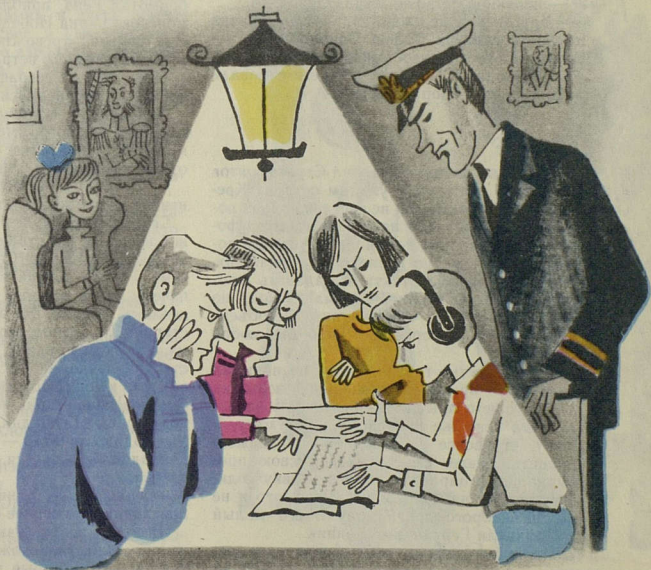
— Потрясающе!!! — воскликнула пораженная компания. — А вдруг здесь и скрыт ключ к тайне?

— Хи-хи, — послышалось из затемненного угла гостиной, из глубокого кожаного кресла. — А вдруг это — «бурундучок под забором что-то бурчит»?

— Наташка! Как ты сюда попала? — вскричал Геннадий.

В глубоком кожаном кресле, позевывая дивным ртом, сидела не кто иная, как Наташа Вертопрахова. Впрочем, это могла так же быть не кто иная, как Даша Вертопрахова, близнец Наташи.

— А я Даша, — сказал близнец. — Наташка послала меня к тебе списать задачи по геометрии, а я как села в это кресло, так и заснула. Тренировки, друзья мои, выматывают все си-

лы. Тебе не нужно этого объяснять, дружище Геннадий.

Следует сказать, что взаимовлияние близнецов еще не до конца оценено современной наукой. Вот сестры Даша и Наташа, едва познакомившись друг с другом на Эмпирейских островах, тут же передали друг другу, с одной стороны, любовь к художественной гимнастике, с другой — презрение к лже-аристократии. Даша, бывшая Доллис, кроме того, тут же усвоила от Наташи манеру слегка подтрунивать над Геннадием Стратофоновым.

— Держу пари, что ты, Дашка, опять забралась к нам в гостиную по стене и через окно, — нахмурился Гена.

— Странно, что ты, дружище сынок, до сих пор не освоил этого пути, — укоризненно сказал папа Эдуард. — Отстаешь от своих сверстников.

Удивительной силы реакция была ответом на добродушный отцовский упрек. Мальчик вскокил со своего места, пылая лицом, как красный светофор.

— Дружище отец! — воскликнул он с дрожью почти юношеского негодования в голосе, схватил со стола ватман, одним прыжком взлетел на подоконник и исчез в окне.

Когда родственники подбежали к окну, Гена уже заворачивал за угол, независимо помахивая рулоном.

— Вполне профессиональный прыжок, — одобрила мама Элла.

— Почему он так вскипел, дружище жена? — полюбопытствовал папа Эдуард.

— Другого я и не ожидала, — строго глядя в сторону, сказала Мария Спиридоновна. — Достойный ответ на неосторожную шутку.

— Переходный возраст, — резюмировала Даша, и на этом спор закончился.

...В глубоком раздумье бродил Стратофонов Геннадий по пустынным улицам острова Крестовский. Разумеется, он не заставил своих родителей волноваться, а из первого же телефона-автомата позвонил домой и предупредил домашних, что не скоро вернется. У домашних, надо сказать, хватило такта не задавать лишних вопросов. Особенно маленькой, но дружной семье было чувство такта, всеобъемлющее чувство, которое украсило бы любой коллектив.

Геннадий, честно говоря, и сам не понимал причин столь яркой эмоциональной вспышки и последующего прыжка из бельяэтажа на панель. Ведь ясно же и слепому, и глухому, и глупому, что вовсе не стремление продемонстрировать Дашке Вертопраховой свою профессиональную парашютную подготовку толкнуло мальчика на подоконник. Ясно, что и не обидя на доброго друга папу и его милый юмор толкнули Гену на подоконник.

«Должно быть, это шуточки переходного возраста», — с тревогой подумал было пионер, но

тут же отбросил эту банальную мысль. Другое занимало его ум в часы блуждания по острову Крестовский. Лист ватмана, который держал он в руке. Тайна, прильпывшая на берега Невы из просторов мирового океана. Обрывки тайны, как единичные галеоны Великой Армады, которую разметал спасительный для Британии ураган. Единичные галеоны «ундучок», «ором», «афия», «ринин», скрепя разболтанными реями, мохнатая обрывками парусов, вползали в крохотную бухточку гребного клуба «Динам». Впрочем, даже не сама тайна, не тайна как самоцель, волновала ленинградского пионера. Отчетливый призыв «спасите» — вот что волновало его. Стремление немедленно идти на помощь любому, кто в его помощи нуждается, было развито у мальчика до степени инстинкта. Помочь! Спаси! Немедленно! Вперед! Без страха! Без упрека!

Кто же сквозь тысячи километров над материками и облачными полями послал ему сюда в Ленинград призыв о помощи? Кто и почему именно ему? Друзья-патриоты с Больших Эмпиреев? Однако по недавним сообщениям газет обстановка на архипелаге сейчас вполне спокойная и независимость малой нации развивается на достойных демократических началах. К тому же эмпирейцы сейчас стали не так уж наивны: они не могут предполагать, что ленинградский школьник в горячие весенние денечки бросит все свои дела и примчится в Южное полушарие.

— Мафия. География. Мафия. География, — бормотал Гена, приближаясь к воротам Приморского парка Победы, глядя на пышные кусты сирени, тревожно кипящие под порывами балтийского ветра.

— Мафия и География, — вдруг громко произнес он и остановился в задумчивости.

— Афия! — вскричал он. — Ведь это слово есть в радиограмме! Галеон «Афия»! Быть может, в радиограмме есть призыв к спасению от происков мафии? Эврика! Эврика!

— Простите, вы что-то нашли? — спросил неподалеку вежливый молодой голос.

Геннадий обернулся и увидел юношу в кожаной курточке и в странных брюках с подобием крыльев на бедрах. Сначала он удивился, почему у этого юноши такие странные брюки и почему такой молодой голос, а потом, приглядевшись, увидел, что это вовсе и не юноша, а старик. Да, это именно старик обратился к нему в легком сумраке белой ночи, но у этого старика была юношеская фигура и поблескивающие юношеским любопытством глаза. Это был поистине старик-юноша: вот к какому выводу пришел Геннадий.

— Здравствуйте, — вежливо поклонился Геннадий. — Кажется, вас удивил мой возглас «эврика»?

— Признаться, удивил, — улыбнулся юноша-старик, или вернее старик-юноша.

Он стоял возле низкого сарайчика, сбитого из листов жести, похожего на импровизированные гаражи, которые мы часто можем видеть

на задах жилых кварталов, но несравненно более широкого, чем это требовалось для обыкновенного автомобиля. В руках у старика был ключ, похожий на большой древний ключ от города Костромы, который когда-то Геннадий видел по телевизидию. Геннадий приблизился. Что-то в лице старика, в выражении его глаз располагало к откровенности, и мальчик тихо сказал:

— Видите ли, мне показалось, что я нащупал ключ к тайне.

— Ах вот как! — воскликнул старик. — В таком случае мне остается вас только поздравить!

Они, улыбаясь, смотрели друг на друга и чувствовали нарастающую симпатию друг к другу. Так бывает иногда: люди родственного духа угадывают друг друга, и только смущение мешает им сразу же сблизиться. Гене очень хотелось рассказать старику свою тайну, но он смущался. Старику хотелось чрезвычайно эту тайну узнать, принять в ней участие, вникнуть, помочь, но и он смущался. Все же он решил пошутить для разведки.

— У вас ключ от тайны, а у меня всего лишь от этого ангара, — и он показал Геннадию средневековый ключ и кивнул на сооружение из жести.

— От ангара? — удивился Гена.

— Так точно, — подтвердил старик. — Перед вами самолетный ангар. Хотите взглянуть?

Он вставил ключ прямо в дверь и повернул. Послышались первые такты старинной песни «Взвейтесь, соколы, орлами», и дверь открылась. Старик включил свет, и Гена увидел в ангаре аэроплан. Именно аэроплан, а не самолет, и даже не аэроплан, а летательный аппарат, как говорили в России на заре авиации.

— Как?! — вскричал мальчик, бросился было к аэроплану, но тут вмешались воспитание и врожденное чувство такта. Он сдержал свой порыв и представился.

— Простите, мы не знакомы. Мое имя Стратофонтон Геннадий.

— Как?! — вскричал при этом имени старик. — Уж не брат ли вы Митеньки Стратофонта, с которыми мы в Ораниенбауме в пятнадцатом году экспериментировали буксировку планера?

— Я его внучатый племянник, — сказал Гена.

— Как?! Каков сюрприз! Подумать только! — старик разразился было целым рядом восклицательных знаков, но врожденное и приобретенное джентльменство, однако, взяло верх, и он представился Геннадию, старомодно щелкнув каблучками и склонив голову энергичным кивком.

— Четверкин Юрий Игнатьевич!

— Как? — вскричал Гена. — Подумать только! Я полагал, что Юрий Четверкин — это достойные истории!

— Да, я достойные истории авиации, — просто сказал старик.

...На следующий день уже в более разумное время, а именно, после обеда, Гена навестил Четверкина дома. Хозяин встретил гостя на крыльце.

— Этот дом закреплен за мной постановлением Петроградского Совета в 1918 году, — пояснил он и пропустил мальчика вперед.

Два тигра, изготовившихся к прыжку, бронзовая статуя Дон-Кихота, фарфоровый китайский мандарин, кондор, несущий в когтях модель биплана, и прочие любопытные вещи встретили Гену еще в прихожей.

— Я чудак, — сказал Юрий Игнатьевич с улыбкой, подкупавшей своей простотой. — Вначале я был романтик, потом д'Артаньян и немного авантюрист, потом я стал летчиком, а потом уже летчиком-солдатом, а потом... потом я стал чудачком. Да, Геннадий, ваш покорный слуга — настоящий чудак, но я ничуть этого не стыжусь. Я горжусь тем, что доживаю свои дни в образе старого чудака, а впрочем, я вовсе и не доживаю свои дни, я просто себе чудачку свои дни, как и раньше чудачил, и считаю, монсеньор, что на чудачестве свет стоит. Извините...

Слегка взволнованный этой тирадой старик взял Гену под руку и ввел в комнату, весьма обширную комнату, скорее даже зал. Здесь под лепным потолком висели модели самолетов, а на стенах красовались старинные деревянные пропеллеры. Здесь по углам, словно ценнейшие скульптуры, стояли детали авиационных моторов разных времен, и здесь было множество фотографий.

Гена увидел юношу Четверкина со счастливым, просто зажмуренным от счастья лицом на пилотском сидении «фармана». Затем он увидел мужчину Четверкина в форме офицера старой армии на прогулочном балкончике первого в мире многомоторного бомбардировщика «Русский витязь». Затем он увидел Четверкина с красной звездочкой на фуражке и с двумя маузерами на боках. Потом он увидел Четверкина сначала с кубиками, потом с ромбиками и далее со шпалами в петлицах и, наконец, пожилого уже Четверкина в простом черном свитере. «Анадырь — мыс Дежнева — остров Врангеля» было написано чем-то красным по синему фону и мелко добавлено: «Юрка, не забывай!»

— Этапы большого пути, — смущенно сказал хозяин квартиры.

Повсюду на снимках были самолеты. Сначала древние, потом пожилые, потом уже почти современные. Самолеты на снимках все молодели, а человек старел.

Мальчик увидел на фотоснимках рядом с Четверкиным множество знакомых ему по истории авиации людей — здесь были и Уточкин, и Ефимов, и Васильев, и Сикорский, и Туполев, и Чкалов, и Водопьянов... «Пожалуй, не хватит и недели, чтобы осмотреть все сокровища этого дома», — подумал Гена.

Четверкин сделал несколько нервных шагов по потрескивающему паркету, снял со стены огромную трубку, на чубуке которой была изображена старая Голландия, и затанулся. Трубка тут же задымила, как будто в ней тлел вечный уголек из доколумбовой Америки. Как следует откашлявшись, Четверкин вынырнул

из дыма уже другим — молодым и лукавым со своими детскими глазами-любопытными.

— Вы знаете, дружище Гена... — старик сразу и охотно перенял манеру обращения, принятую в стратофоновском семействе. — Вы знаете, дружище мой мальчик, я весь остаток ночи просидел над радиোগраммой, о которой вы вчера рассказали, и пришел к некоторым, да-да, выводам!

Юрий Игнатьевич раскатал на шатком изящном столике лист ватмана и укрепил его по углам четырьмя тяжелыми предметами: поршнем мотора «сопвич», статуэткой лукавого лесного

божества Пана, револьвером «Смит и Вессон» выпуска 1909 года и старинной кожаной калошей с хромированными застежками, то есть тем, что оказалось в эту минуту у него случайно под рукой.

— Во-первых, мне кажется, я почти убежден, что радиограмму послал чужак, — начал Юрий Игнатьевич. — Есть некоторые почти неуловимые флюиды, дружище Гена, по которым все, принадлежащее к племени чужаков, узнают друг друга. Во-вторых, это, безусловно, пожилой человек. Об этом свидетельствует уцелевшее в тексте придаточное предложение «если память не изменяет». Так выразиться, согласитесь, мог только пожилой человек старой формации. Человек новой формации сказал бы вместо этого что-нибудь вроде «почти уверен» или «уверен на 90 процентов». И, в-третьих, дорогой дружище Геннадий, я почти убежден, что истоки тайны не удалены от нас за тридевять земель, а находятся совсем поблизости, в центре любимого города... или нашего любимого «бурга», что по-немецки и означает город. «Бург» — вы видите это слово на вашем ватмане. Может быть, это кончик Петербурга, дружище пионер? Стоп, стоп, предвижу ваши возражения. Существуют Эдинбург, Иоганнесбург, Питсбург и еще добрая тысяча бургов. Да, это так, но вряд ли в каком-нибудь из этой тысячи городов есть Екатерининский канал. Терпение, дружище юный моряк. Вы хотите сказать — при чем здесь Екатерининский канал и что такое Екатерининский канал? «Ринин», Гена, именно этот загадочный, как птица «алконост», «ринин», соседствующий со словом «канал» и образует ЕкатЕРИНИНский канал, который ныне именуется, совершенно справедливо, каналом Грибоедова.

Видю, дружище Стратофонов, отлично вижу искры, летящие из ваших глаз, но вы же сами предложили мне отпустить все тормоза и предоставить волю моему воображению. Ведь я допускаю существование «сундучка», в противовес «бурундучку», и «мафин», независимо от «географии». Позвольте же мне предложить вам небольшую экскурсию на канал памяти замечательного русского сатирика, одного из тех людей, которые пробили брешь в культурной изоляции отсталой царской России. Кам он, олд феллоу!

Через несколько минут Четверкин и Стратофонов уже катили на скрипучем, но вполне надежном велосипеде-тандеме по улицам Крестовского острова.

Старый пилот сидел впереди и управлял рулем, похожим на рога высокогорного животного яка.

Справедливости ради следует сказать, что за всю свою долгую жизнь у старика не было лучшего партнера по тандему, чем сегодняшний. Юрий Игнатьевич не уставал удивляться силе ножных мышц этого еще не совсем созревшего организма. Тандем летел вдоль обочины тротуара, оставляя за собой не только велосипеды, но и многие мотори-

зованные средства транспорта, включая быстросходные «Запорожцы». Иногда к усилиям четырех ног присоединялся и маленький моторчик от пылесоса «Вихрь», который Четверкин приспособил к тандему еще лет десять назад. Возле светофоров седоки спешивались и продолжали свой разговор.

— Однако почему среди русского текста мелькают немецкие слова? — недоумевал Гена.

— На заре моей туманной юности в Петербурге жило очень много немцев, — говорил Юрий Игнатьевич. — Вообразите, дружище Гена, судьба забросила одного из таких петербургских немцев куда-нибудь в Полюинезию. Вы сами путешествовали и знаете, какие штучки иной раз выкидывает судьба. Вообразите, старый чужак несколько десятилетий жил среди полюинезийцев и вот на закате жизни ему пришла нужда послать в город своей юности призыв о помощи. Естественно, что за эти долгие годы кое-что перемешалось в его голове, перемешались немецкие и русские слова и... воображаете?

— Конечно, воображаю, — чуть-чуть постукивая зубами от воображения, говорил Гена. — Но почему же, почему этот несчастный старый человек обратился именно ко мне? Откуда он узнал мои позывные?

— А вы воображаете...

Красный свет переключался на желтый, и Четверкин не заканчивал фразы.

— Приемистый старикан, — улыбались инспектора ОРУД'а, глядя, как устремлялся вперед самолетный экипаж.

Через двадцать четыре минуты они подъехали к Казанскому собору и встали в узкой полосе тени, отбрасываемой памятником фельдмаршалу Барклаю-де-Толли.

— Дружище Геннадий, вы не обидитесь, если я завяжу вам глаза вот этим чистым носовым платком? — спросил Четверкин.

— Пожалуйста, пожалуйста, дружище Юрий Игнатьевич, — сказал Гена, подставляя свои закрытые глаза под носовой платок с вензелями Санкт-Петербургского яхт-клуба. Он произнес это небрежно, легко — вам нужны, мол, мои глаза? Пожалуйста! — но на самом-то деле сердце пионера стучало как африканский тамтам в период разлива Замбези. Что будет? Какой сюрприз приоткрыл Четверкин? В том, что авиатор слегка лукавит, не было никакого сомнения.

Когда Гена открыл глаза, а это произошло спустя не более трех минут после закрытия оных, перед ним горели на солнце золотые крылья четырех мраморных львов!

— Ыре ьва олоты рылья! — вскричал потрясенный догадкой мальчик.

— Четыре льва с золотыми крыльями! — торжествующе сказал старик. — Вы на набережной Екатерининского канала, дружище Геннадий!

— Но как же вы пришли к такому блестящему умозаключению? — справившись с первым волнением, спросил Гена.

— Сначала было непросто, — скромно ответил Четверкин. — Полночи мысль плутала по лабиринтам чистого разума, дружисще юный друг, но потом я вспомнил один дом, где когда-то, лет тридцать пять или сорок назад, я видел сундучок, в котором что-то стучит.

— Где же этот дом, Юрий Игнатьевич? — осторожно, как бы боясь спугнуть своим дыханием ультрамариновую бабочку тайны, спросил Гена.

— Вот он, — просто сказал авиатор и махнул своей дряхлой перчаткой «шевро» в сторону серого невыразительного дома, который стоял от Львиного мостика в десяти шагах.

В КОТОРОЙ
ЗВЕНИТ
РАДИАЛЬНАЯ
ПРУЖИНА
„ЗАН-ТАР“

Однажды на заре тридцатых годов авиатор Четверкин вернулся в Ленинград из экспериментальных полетов над пустыней Гоби и вознамерился... Сейчас уже трудно установить, что же вознамерился сделать Юрий Игнатьевич на заре тридцатых. То ли он хотел сконструировать мускулолет, то ли портативный быстронадувающийся дирижабль для средних и мелких учреждений, то ли это было время реактивной на торфяном топливе гидроаэростатической... Четверкин всегда был полон идей, и проекты различных технических новшеств нарождались в его голове непрерывно, пожалуй, даже избыточно, пожалуй, они даже утомляли его. Короче говоря, ему была нужна «радиальная американская пружина «зантар», а достать в те дни такую простую вещь было чрезвычайно сложно.

Однажды в четверг после дождя перед ужином к дому на Крестовском подъехал мрачный молодой человек на роликовых коньках. Отрекомендовался он лаконично:

— Питирим Кукк, гений.

Он извлек из своего рюкзака вождленную пружину «зан-тар» и заломил за нее бешеную цену.

— Хотите — рублями платите, хотите — тугриками или юанями, — сказал он Четверкину, а вождленная пружина в его руке поблескивала под лучами закатного солнца.

— Позвольте, но все излишки иностранной валюты я сдал в Банк внешней торговли, — сдержанно возмутился пилот.

— Поторопились, — неприятно проскрежетал Питирим Кукк и протянул вперед левую руку с пощелкивающими пальцами, а правую с пружинкой «зан-тар» ответил назад. — Долларов у вас не заваялось? Доллары принимаю по курсу Сенного рынка: прямая для вас выгода.

Вручив нахально-мрачноватому «гению» бешеную сумму нормальными рублями и завладев вождленной, Юрий Игнатьевич без лишних церемоний показал на дверь.

Однако в дальнейшем Четверкину пришлось неоднократно прибегать к услугам Питирима, фамилия которого оказалась двойной, не просто Кукк, а Кукк-Ушкин. То понадобится особое бельгийское сверло «линчап», то крошечный фирм «Кимми Каус», то линзы системы «Братья Ксеркс»... — все это можно было достать только у одного человека в Ленинграде.

В те времена Юрий Игнатьевич частенько навещал невыразительный серый дом возле четырех львов с золотыми крыльями. Питирим не пускал его в глубь своей квартиры.

Иногда в простую душу авиатора закрадывалось сомнение — а вдруг мрачный молодой

«гений» просто-напросто спекулянт? Однако сомнения эти быстро рассеивались.

— Не для себя беру, — всякий раз говорил Куку-Ушкин, принимая от Четверкина бешеные суммы за дефицитные иностранные детали.

— Для кого же?

— Для них, — отвечал Питирим загадочно и длинноватым желтоватым уже тогда пальцем поворачивал потускневший от времени глобус в латунных кольцах.

В далеких, темных и неприятно-загадочных комнатах питиримовской квартиры уже тогда что-то булькало, что-то позванивало, что-то тихо взрывалось. Уже тогда по паркету, стуча когтями, ходил клочковатый пудель Онегро. Сейчас этому пуделю насчитывалось не менее сорока лет, и, будь он жив, он считался бы, безусловно, самым выдающимся собачьим долгожителем.

После очередного торгового акта, похожего, как обычно, на оскорбительный обман, Юрий Игнатьевич и увидел в углу под

темным старинным портретом странноватый сундучок.

— Что это у вас там под портретом? — поинтересовался он.

Куку-Ушкин усмехнулся.

— Это сундучок, в котором что-то стучит. Можете полюбопытствовать.

Четверкин взял в руки увесистый, на полудика, сундучок, сделанный в какие-то очень далекие времена из непонятного материала, то ли из камня, то ли из металла, то ли из дерева. Сундучок был украшен замысловатым вензелем, но никаких признаков замка или замочного отверстия Юрий Игнатьевич, помнится, не заметил.

— Приложите ухо, — зловеще посоветовал Куку-Ушкин.

Четверкин бесстрашно прижал ухо к теплому, именно теплому, милостивые государи, боку сундучка. Через несколько секунд он услышал глуховатый мерный стук. Странное дело, он почему-то почувствовал к этому сундучку необъяснимую симпатию. Именно симпатию, милостивые государи, хотя какую, сами посудите, товарищи, симпатию может испытывать одушевленный человек к неодушевленному предмету, даже если в том что-то и стучит.

— Отдадите? — спросил Юрий Игнатьевич Питирима.

— Отдам, — усмехнулся тот. — Миллиончик за три.

Юрий Игнатьевич тогда должным образом оценил внезапно проявившееся чувство юмора у Питирима и долго хорошо хохотал. После полетов над пустыней Гоби у Четверкина появился вкус к доброму смачному хохоту. Впрочем, в те времена в стиле были именно хохотливые беззубые пилоты.

Юрий Игнатьевич хотел вообще-то как-то чем-то расшевелить Кукк-Ушкина, как-то пробудить его к нормальной жизнедеятельности жизни, изгнать из него дух наживы, может быть, поджурить даже, चुдучить вместе. Все было тшкетно. Питирим близко к себе не подпускал и только усмехался многозначительной надменной и неприятной усмешкой.

...Потом началась подготовка к воздушному штурму Арктики, а вскоре и сам штурм, и Юрий Игнатьевич забыл Питирима Кукк-Ушкина на долгие годы, а потом и вовсе забыл. Он любил только приятных добрых чудачков, а чудачков отгаливающего свойства даже и чудачки не считал, милостивые государи...

Четверкин заканчивал свой рассказ, прогуливаясь по тихой набережной канала вдоль фасада серого дома, и Гена, внимая ему, прогуливался рядом. Друзья, разумеется, и не подозревали, что сверху сквозь июньскую листву за ними наблюдает узкое и желтое лицо, похожее на тусклый фонарь прошлого века.

— Дружище Юрий Игнатьевич, а вы не можете вспомнить тот портрет, под которым стоял сундучок? — спросил Гена.

— Там было очень темно, а портрет темный, написанный не позднее семидесятых годов девятинадцатого века, дружище Гена. Кажется... синий морской мундир... два ряда серебряных пуговиц... по-моему, низший офицерский чин... и неотчетливое желтое лицо, словно керосиновый фонарь... должно быть, живописец был не особенно искусен, да и краски не самого отменного качества...

— Морской мундир... — проговорил задумчиво Геннадий.

Прославленная интуиция пионера Стратофонта всплеснула хвостом, словно проснувшаяся щука.

— Что ж, давайте поднимемся в бельэтаж, — предложил Юрий Игнатьевич. — А вдруг, на наше счастье, Кукк-Ушкин еще живет здесь, и в сундучке все еще что-то стучит, а цена упала хотя бы в десять тысяч раз?

Они поднялись на площадку и позвонили. И сразу же услышали неприятный голос.

— Кого-с?

— Это он! — вскричал Четверкин. — Питирим, открой! Это я, Юрий Игнатьевич Четверкин, который покупал у тебя американскую радиальную пружину «зан-тар»!

Два глаза смотрели на пришельцев сквозь дверь, один сверху — человеческий, другой снизу — собачий. Разницы по сути дела не было никакой. Слышалось сдавленное рычание.

— Проходимцы, проходите прочь! — послышалось из-за двери.

— Товарищ Кукк-Ушкин! — взволнованно заговорил Гена. — Дело чрезвычайно гуманистической важности. Из глубин мирового эфира пришел сигнал «SOS». Мы не проходимцы. Я пионер Геннадий Стратофонт, потомок известного путешественника.

— Ха-ха, — послышалось из-за двери. — Семья Стратофонтов вымерла еще до 17-го, а Четверкин, ха-ха, испарился в местах настолько отдаленных, в коих и Макар подох со своими телатами. Ха-ха!

— Что за вздор!! — воскликнули друзья.

— Вв-ззз-доррр! — рывкнуло из-за двери.

— Питирим Филимонович и вы, Онегро, взгляните! — моляще сказал Четверкин. — Неужели вы меня не узнаете?

— Сокола Четверкина вижу парящим в небе, а в вас, пожилой проходимец, не нахожу даже отдаленного сходства, — проскрежетало и прорычало из-за двери. — Уходите, не мешайте Процессу, а то в милицию позвоню.

Юрий Игнатьевич безнадлежно махнул рукой и отвернулся с явно обескураженным видом. Вряд ли кому-нибудь понравится, если в нем не узнают прежнего сокола и назовут пожилым проходимцем. Однако Гена ободряюще подлихнул старшего товарища локотком и заговорил вдруг совершенно неожиданным и несвойственным ему голосом маленького хитреца и прониры.

— Вы нас не поняли, сэр. Мы к вам не на чашку чая, сэр. Воспоминания о прошлом не входят в наши привычки, сэр. Радиальная пружина «зан-тар» не будет предметом разговора, сэр. Мы просто хотим у вас кое-что купить, сэр.

В ответ на эту хитроумную, достойную Одиссея тираду неожиданно последовало благожелательное молчание. То ли обращение «сэр» пришлось по душе Кукк-Ушкину, то ли слово «купить» вызвало в нем привычный прилив положительных эмоций.

— Что? Что? Что? — вполне по-человечески протянул из-под двери Онегро.

— Мы хотим у вас, сэр, купить сундучок, в котором что-то стучит! — с бьющимся сердцем произнес Геннадий.

— Три миллиона! — немедленно рывкнули в ответ, и после короткой паузы послышался саркастический хохот, а из щелей старой двери повалил разноцветный пренебрежительный дым.

Друзья, к сожалению, не заметили, как на другом берегу канала появился престраннейшего вида иностранный турист. Это был солиднейший господин с мясистым загривком, с бобриком седых волос, с драгоценным камнем в ухе. Это был, откровенно говоря, мультимиллионер, буйвол мясной индустрии Адольфус Селестина Сиракузерс.

Легко вовзав меж гранитных плит спицу ярчайшего зонта, он поставил под зонт мольберт, раскладной стул и уселся, выставив пунцовое пузо. Эдакий, видите ли, свободный художник.

Скрипнули чугунные ворота экономического института. На одной из половинок ворот выехала коstitialная дворничиха в слуховых очках. Не слезая с ворот, она сделала несколько снимков невыразительного дома кодаком-зеркалкой, висающим на плоской груди.

— Вы видите этот дом, синьор Сиракузерс? — спросила она.

— Зрение изменяет мне, — шумно вздохнул Сиракузерс. — Принимаю для зрения пилули «Циклон», но они пока не действуют.

— Хотя бы помните, для чего мы сюда пришли? — с неприятной ухмылкой спросила старуха.

— С памятью у меня совсем плохо, — виновато хихикнул богатч. — Хваленый экстракт «Меморус» помогает не лучше жевательной резинки.

В следующий момент... В следующий момент дворничиха оказалась уже на другой стороне канала. Как это произошло? Каким образом она пересекла водную артерию, минуя Львиный мостик, по которому еще прогуливались наши положительные герои? Нет, конечно, никакого смысла наметать на сверхъестественную силу ее метлы. Вельм нет, в этом нас убеждает ход истории. Не лучше ли обратить внимание на сверхтолстые подошвы дворничихи, на эти сверхмодные платформы? Не они ли помогли старухе совершить технический прыжок?

Спускаясь по лестнице, Гена Стратофонов весело подпрыгивал, а на последнем марше даже не отказал себе в удовольствии соскользнуть вниз на животе по перилам.

— Что это вы так радуетесь? — скучновато спросил его старый авиатор, все еще переваривающий «проходимца».

— Да как же не радоваться! — вскричал Гена. — Подумайте, Юрий Игнатьевич, в один день столько открытий! И самое главное — мы убедились, что сундучок — здесь! Кукк не продал его! По вашему рассказу, дружище Четверкин, я сделал заключение о характере этого человека и проверил его... Проверка удалась, уважаемый дружище!

Юрию Игнатьевичу ничего не оставалось, как с почтением пожать руку своему юному другу.

Глава III,

**В КОТОРОЙ
ПИТИРИМ КУКК-УШКИН
ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ
ПРИСЛУШАЛСЯ К СВОЕМУ
«ВНУТРЕННЕМУ ГОЛОСУ»,
НО БЫЛО УЖЕ ПОЗДНО**

Вся квартира Кукка была заставлена сложнейшими системами тиглей, центрифуг, реторт, колб, жаровен, сообщающихся сосудов; но

лишь одна комната называлась «лабораторией», а две другие иначе: одна — «конференц-ий», другая «салоном мысли».

В углу «лаборатории» под портретом флотского лекаря эпохи клипперов среди других семейных реликвий — кожаная тетрадка-дневник, стетоскоп, выточенный из моржового клыка, скальпель, на который современному хирургу и взглянуть-то страшно, большая флотская клизма, так называемая «аварийная помпа» — стоял и золоченный сундучок.

Из поколения в поколение передавался сундучок, пока не дошел до Питирима. В дневнике мичмана Фогель-Кукушкина, судового врача клиппера «Безупречный» и предка Питирима, среди пятен, оставленных жидкостями, сохранилась запись такого рода:

«...вбежал Маркус Ион и со слезами на глазах протянул мне сундучок весьма солидного веса (не менее 15 фунтов), с престранной монограммой и без каких-либо наличествующих признаков замка. В пылких выражениях он молил меня сохранить сей предмет до... (пятна-пятна)... Несчастный не мог знать, что через... (пятна)... (большие пятна)... Бой разгорался с новой силой...»

Прошло немало лет, пока в конце дневника не появилась еще одна запись, касающаяся сундучка.

«...иногда я прижимаю ухо к теплому (он остается теплым даже если его выставишь на мороз) боку сундучка и слушаю странный, мерный и такой дружелюбный стук, идущий изнутри. Стук этот оживает в моей памяти дни молодости и плавание под флагом нашего славного командира Данилы Гавриловича Стратофопова. Что скрыто в сем загадочном предмете? Бриллианты, золото или какие-либо культурные ценности, которые для тысячаго человека дороже любых денег? Открыть сундучок я не имею ни малейших посягательств, ибо принадлежит он не мне, а далекому народу, и бог весть, когда-нибудь, быть может...»

После этой записи прошло чуть ли не сто лет. Фамилия многого претерпела, разделилась, расселась. Фогели разлетелись по дальним меридианам, а последний Кукушкин не нашел ничего лучшего, как разделить себя на две части и для пущей спеси всунуть лишнюю букву «к».

Нельзя сказать, что Питирим в молодые годы свои подобно предку «не имел ни малейших посягательств» к вскрытию сундучка. Очень даже имел, но, несмотря на изобретательный свой ум, он так и не понял секрета этого ящика, а открывавший его насильственным, взломным путем не решился, хотя очень нуждался в бриллиантах и золоте. Все-таки сундучок был семейной святыней, а Питирим, вслушивая проклятия, в глубине души к нему благоговел.

В конце концов, он убедил сам себя, что в сундучке никому не нужные культурные ценности, махнул на него рукой и предоставил покрываться пылью.

И вот сейчас он схватил сундучок, чихнул от вздыбившейся пыли и потряс. Ничего не сдвинулось внутри небольшой деревянной, но тяжелой емкости. Приложил ухо и сразу же услышал гулкий взволнованный стук. Конечно, так можно стучать только культурные ценности.

«Отдать, что ли, сундук тому мальчонке? — подумал Питирим. — Во имя всего, что дорого человеку, во имя высоких благородных принципов нашей цивилизации отдам, пожалуй».

— Черта с два отдам! — взвизгнул он вслух. — Задаром какому-то молокососу-самозванцу? Нашли простофилю! Да я лучше тому иностранцу толстопозому продам, про которого говорила Ксантина Ананьевна! Продам, а на валюту куплю смолу «гумчванс». Вот разыщу сейчас Ксантину Ананьевну и...

— Ее и искать не надо, — услышал он хриплый голос. — Искомая перед вами.

Кукк-Ушкин ахнул.

На подоконнике в непринужденной позе сидела костлявая женщина, сама многоуважаемая Ксантина Ананьевна, и огромные очки на

ее носу отсвечивали довольно многозначительно, если не сказать зловеще.

— Любопытно, каким образом вы, Ксантина Ананьевна, проникли «через входные двери и пересекли «конференцию» и «салон мысли», ничего не задев?

Тон Питирима в этот момент очень мало напоминал тон любезного хозяина, однако дворничиха (а это была именно дворничиха) небрежно отмахнулась от вопроса, прыгнула с подоконника и заходила вокруг лабораторного стола пружинистым шагом тренированного спортсмена-туриста.

— Ближе к делу, Питирим, ближе к делу, — заговорила она. — Принимаете вы наши предложения...

— Повторяю свой вопрос, — прервал дворничиху Кукк-Ушкин. — Каким образом вы проникли в лабораторию?

Он треснул ладонью по столу и вперился в лицо непрошеной гостьи одним из самых неприятных своих взглядов.

Ксантина же Ананьевна лишь усмехнулась жестяными губами и веско же ответила:

— Мы, работники коммунального фронта, можем не отвечать на некоторые вопросы.

Несколько секунд прошло в молчании. Питирим Филимонович боролся с желанием выставить наглеца-дворничиху, однако, понимая векомость ее аргумента, лишь трепетал. С работ-

никами коммунального фронта всю жизнь у инвентора, то есть изобретателя, были сложные отношения. Главная же причина его терпимости оставалась все та же — «гумчанс»! По его расчетам, именно эта редчайшая дефицитнейшая смола карликового эвкалипта из юго-восточного высокогорного Перу (около Куско) должна была стать последним восклицательным знаком в многолетней серии его изысканий, тяжких трудов, мелких спекуляций, бессонных ночей, раздумий и мук честолюбия.

— Мы знаем, — с неожиданной задушевностью сказала вдруг дворничиха и положила на шуплое плечико Питирима свою тяжелую ладонь. — Мы знаем, что вам не хватает для завершения опытов нескольких граммов смолы «гумчанс». Научная общественность всего мира ждет, больше того, все человечество ждет, а особенно, развивающиеся страны.

— Да кто вы такой, Ксантина Ананьевна? — с явным испугом спросил Кукк-Ушкин. Он совсем потерял инициативу и сидел, съездившись под тяжелой рукой.

Обнажившиеся в улыбке зубы дворничихи были похожи на клавиши аккордеона.

— Любезнейший милейший гениальнейший товарищ Кукк-Ушкин, один грамм смолы «гумчанс» на мировом рынке стоит пятьсот долларов. Известный филантроп Адольфус Селестина Сиракузерс предлагает вам пять тысяч.

— Я всегда просил за этот предмет три миллиона, — слабо пискнул Питирим.

— Пять тысяч долларов — это как раз и есть три миллиона, три миллиона песет той страны, откуда прибыл филантроп.

— А-а, тогда другое дело, — несколько приободрился Кукк-Ушкин. — Три миллиона — это три миллиона.

— Больше того, — надала Ксантина Ананьевна, — мы гарантируем доставку к вам в Ленинград свежевыватой смолы прямо из округа Куско. И взамен мы просим лишь старый никому не нужный сундучишко. Вы спросите — зачем он нам? Да ни зачем! Просто прихоть богача-коллекционера. Где-то в Океани прослышал про сундучок из дерева «сульп», ну и подавай ему его. Гримасы мира чистогана, Питик, такие дела, — дворничиха вдруг словно бы вспомнила, что она дворничиха, и заговорила на дворничком языке. — Да я бы лично Питируша, за еттый ящик и кефирной бутылки не дала. Лови момент, Емеля, пока твоя неделя! Мотри, старуху-то не забудь! Купишь красненького? Может, ты сумлеваешься, голуба? Может, полагаешь — я агент? Питирим Филимонович, я простой старуха-дворник, мету улицы, за культуркой слежу — понял? — гостям делаю помощь — ясно?

«Ой, неясно, — подумал Кукк-Ушкин, — ой, темнит старуха, ой-ой-ой...»

Он чувствовал, что теперь уж ему не отвертеться, нужно принимать решение — либо Онегро будить и напускать на непрошеного гостя, либо брать в лапу эти проклятые «пять

тысяч — три миллиона», отдавать реликвию и ждаться смолы.

..Как вдруг по соседству, в «салоне мысли» произошло событие: затрубила, завизжала флейтами, закукарекала сигнальная система. Это означало, что Процесс достиг фазы и сейчас пойдет Продукт. Сколько уж лет, десятилетий сигналы эти взвизчивали Питирима — а вдруг сейчас, именно сейчас?

Забыв про все на свете и с легкостью необыкновенной сбросив с плеча тяжелую ладонь коммунального работника, Питирим выскочил из «лаборатории», прочмался через «конференцию» в «салон мысли».

«Продукт» действительно уже шел по стеклянным трубкам на выход. Скрестив руки на груди, смотрел Питирим, как медленно катятся темно-зеленые шарики, и думал не без гордости о силе своего интеллекта: эва, как все продумал и как устроил — сложнейшая конструкция действует безупречно! Сама синтезирует, анализирует, снова синтезирует, сама же и приглашает на выход. Без ложной скромности можно сказать — нет пределов человеческого гению!

Явился, стуча коготками и позевывая, пудель Онегро. Этот не пропустит выхода Продукта. А ведь было время, когда чурался, крутил носом, даже визжал. Теперь всегда, когда подходит Фаза, собачий долгожитель тут как тут — ждет первого, еще не обожженного шарика и облизывается. Быть может, именно в употреблении Продукта и скрыт секрет мафусайлового (для собаки-то!) сорокалетнего возраста.

Питирим Филимонович даже слегка задохнулся от такой гипотезы. Секрет дол-

голетия? Да ведь из этого же прямиком вытекают памятники, монументы ему, Питириму Кукк-Ушкину, по всем культурным столицам: институты, площади, бульвары его имени!

...Сумасшедшие перспективы!.. Вечное поминовение... Канал, конечно, придется переименовать — извините, Александр Сергеевич...

Что ж, довольно уже мытарить нашего терпеливого читателя глухими намеками на неясное изобретение. Раскроем карты: Питирим Филимонович Кукк-Ушкин вот уже сорок лет был занят одной идеей — изобретением универсальной человеческой еды. Эта еда, или, как предварительно назвал изобретатель, Продукт, должен был заменить на планете Земля все разносолы. И своей доступностью, дешевизной, а может быть, и бесплатностью ликвидировать сразу множество проблем, а своему творцу обеспечить бессмертие.

Ради этой идеи и прожил Питирим всю свою жизнь, ради нее даже мелким мошенничеством занимался в те далекие прохладные годы, ради нее портил свой характер и ошетинивался, ради нее так и остался по штату младшим гардеробщиком в Доме культуры, а ведь мог бы продвигнуться до старшего администратора.

В принципе Продукт был уже готов, в нем было больше витаминов, белков и солей, чем в любой другой пище. Не хватало пока что одного — вкуса. По идее Питирима, Продукт должен стать вкуснее любой самой вкусной еды, вкуснее шоколадных тортов, вкуснее икры и устриц и даже вкуснее свежеепеченного ржаного хлеба.

Однако не получалось. Все получилось, вкус — не получался. Пока что, прямо скажем, получился какой-то антивкус. Продукт был настолько отвратительным, что даже сам его творец не решался проглотить целый шарик. Один лишь Онегро, который лет тридцать пять назад был принесен в жертву науке, вдруг прирек к Продукту, стал его активно потреблять и жертвой себя не чувствовал.

Так и сейчас, он с аппетитом прожевал и проглотил зеленоватый с искорками шарик и довольный улегся рядом с Системой. Кукк-Ушкин попытался последовать его примеру, лизнул было шарик, нет, Продукт был все еще далек от совершенства.

Должно быть, смола «гумиванс» скажет свое решительное слово и, соединившись с остальными компонентами, придаст Продукту вкус амброзии, которой, как известно, питались боги на Олимпе. Так Питирим окончательно решил принять предложение Ксантины Ананьевны и заезжего филантропа.

Он переправил готовый Продукт в стеклянную печь для обжига и закалки и крикнул в «лабораторию»:

— Ксантина Ананьевна, я согласен!

Молчание было ответом.

«Инвентор» прошел в «лабораторию», но своей непрошеной гостьи там не нашел. Было тихо, и лишь легкий ветерок тихо циркулировал под высоким темным потолком, шевелил паутину и чуть-чуть шелестел клочками обоев.

Сундучка под портретом не было.

ПРЕКРАСНОЕ

К 70-ЛЕТИЮ Д. Б. КАБАЛЕВСКОГО

Продолжение следует

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА
БЕЗ ВОЛШЕБСТВА,
НО С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

в которой
пищит „морзянка“,
а ирландский
сеттер
Флайнг Ноуз
иско пересекает
пространство

Тем временем Геннадий Стратофонов не покидал своей квартиры на улице Рубинштейна, ибо только здесь он мог, по его выражению, «держать руку на пульсе событий». Несколько раз он выходил в эфир и связывался со своими постоянными корреспондентами-коротковолновиками: вдруг кто-нибудь из них тоже примет таинственные призывы о помощи?

Международная дружба радиолюбителей-коротковолнников широко известна, и порой она принимает весьма трогательный и полезный для человечества характер. Все помнят, что сигналы несчастных из арктической экспедиции Нобиле были приняты советским сельским любителем на слабеньком детекторном приемнике. В пятидесятые годы весь мир обошла потрясающая история, как коротковолновика разных стран помогли спасти экипаж норвежского траулера, пораженный грозной инфекцией.

Гена был уверен, что его заочные друзья окажут ему любую посильную помощь, и потому сообщил о неясных сигналах и научному сотруднику заповедника в Танзании, и монгольскому овцеводу, и скрипачу из Эдинбурга, и гавайскому педагогу, и мальчику-почтальону с Фольклендских островов, и метеорологу с Памира, и боксеру из Буэнос-Айреса.

Сейчас дружба начала работать немедленно. Прошло совсем немного времени, и вышел на связь мальчик-почтальон Мик Джеггер. Вздвинуто он сообщил, что его старый друг, вождь племени Фуруруа с атолла Чуруруа третьего дня выловил в эфире отчетливый призыв спасти для человечества огромные ценности, заключенные в сундучке, в котором что-то стучит... Больше ничего вождь племени выловить не смог, но сообщил мальчику-почтальону, что, по его мнению, сигналы идут из Микронезии. Вождь обещал поставить на ноги всю сеть своих постоянных корреспондентов, а именно: председателя воеводского комитета профсоюз горняков из Силезии, хозяина трактира из Калабрии, инспектора пожарных команд из Брауншвейга, кинооператора с озера Чад (Центральная Африка), отставного магараджу Лумпура и счетовода из Ленинграда Цитронского Льва Степановича.

Гена после этого сообщения Мика Джеггера открыл телефонную книгу и с удивлением обнаружил, что заочный друг вождя Фуруруа проживает в совсем близком соседстве, а именно на той же улице Рубинштейна и даже в их доме, но только в другом подъезде. Не успел он это обнаружить, как позвонили в дверь, и Цитронский Лев Степанович предстал перед Геной лично в своих небесно-голубых нарукавниках и в наушниках на чудачковатой приятной голове.

— Простите за беспокойство, — сказал Лев Степанович, — но четверть часа назад мой старый друг товарищ Фуруруа с атолла Чуруруа дал мне ваши координаты, и я счел своим долгом засвидетельствовать вам уважение и выразить готовность...

— Дорогой Лев Степанович, вы опередили меня на несколько минут! — воскликнул Геннадий. — То же самое я собирался сделать по отношению к вам.

Так завязалась еще одна ниточка дружбы. Вот урок иним мизантропам мира. Современная цивилизация соединит людей через необозримые океаны и даже через перегородки собственного дома.

Цитронский оказался как нельзя кстати. Геннадий попросил почтенного бухгалтера периодически выходить в эфир и расширять круг поисков, а сам собрался на стадион. Дело в том, что в этот вечер должны были скрестить ракетки в финале районных пионерских соревнований две смешанных пары: Наташа Вертопрахова и Валентин Брюквин, Даша Вертопрахова и Геннадий Стратофонов.

Гена положил было уже в сумку теннисные туфли, ракетку и мячи, как вдруг в глубине

квартиры зазвонил телефон. Гена вздрогнул, он чувствовал, что и этот звонок неспроста. Все теперь будет неспроста, это он понимал еще тогда, несколько дней назад, когда ветерок Приключения под видом обычного сквозняка прогнулся по их квартире.

В самом деле, это звонил сенатор Кучче, толстяк — радикал из далекого Оук-Порта, верный друг, с которым вместе год назад боролись они против черных сил мировой мафии.

— О, Пафнутти, хава ай! глядуй хиростю! — с искренней радостью вскричал Гена.

— О, Джинадо, хава плюзаро тур мнос юст ноун форгетул мумзери лингаус! — вскричал Пафнутти Кучче.

Слышимость была неплохая. Надо сказать, что прошлогодние события вывели островитян Больших Эмпиреев из исторической консервации. Островитяне вдруг начали активно пользоваться разными благами современной цивилизации и, в частности, телефоном. Больше того, они так увлеклись возможностями сверхдальней связи, что по меньшей мере треть бюджета республики уходила на телефонные переговоры с разными странами. Геннадий уже привык, что вдруг среди ночи его будил звонок футболист Рикко Силла, или бывший президент, а ныне парикмахер Токтомуран Джечкин, или даже дельфин Чобби Чаккерс, ныне служивший капитаном столичного порта и главным лощманом Республики.

Теперь мы переводим на русский язык дальнейший разговор Геннадия и сенатора Кучче, ныне премьер-министра страны.

— Вы, дорогой Пафнутти, должно быть, звоните мне по поводу сундучка? — спросил Геннадий.

— Не понял! — прокричал Пафнутти через океаны.

— По поводу сундучка, в котором что-то стучит? — пояснил свой вопрос Гена. В ответ послышались звуки, похожие на серьезные атмосферные явления, но в то же время наполненные трогательным человеческим содержанием.

— В чем дело, Пафф? — забеспокоился Гена.

— Я плачу, — сквозь эти явления ответил премьер. — Я растроган до слез твоим, Гена, вниманием к нашей маленькой стране. Ты знаешь даже полузабытые легенды.

— Срочно расскажите мне эту легенду, — попросил Гена.

В мировой телефонии возникли новые явления, похожие на стыдливое похрюкивание.

— Мне немного стыдно, но я помню эту легенду только наполовину, ведь она полузабыта, — сказал Кучче. — Однако попробую...

Оказалось, что легенда о сундучке из дерева «сульп» уходит куда-то в необозримые времена, когда нарождающееся человечество разрозненными клочками и даже в одиночку путешествовало по пустынной планете среди красивых, но грозных в своей загадочности явлений природы, чуть ли не к тем временам, когда мореплаватель Ион с тремя сыновьями: Мисом,

Махом и Тефя — шмякнулся на своем катамаране через стену прибой на шелковистый пляж необитаемого архипелага.

Сундучок переходил из эпохи в эпоху, из рук в руки, из алчных в благородные и наоборот и обростал малыми легендами, словно ракушками, хотя на его гладкой поверхности не оставалось ничего, кроме нерасшифрованной монограммы. Достоверно было известно лишь, что в нем что-то стучит, но ключа к нему подобрать не смогли, да и замок к тому же не был обнаружен, разбить же его благородные руки не решились, алчные же — вот еще одна загадка — не могли. Небось иши был сундучок!

Естественно, многие думали, что в сундучке скрыто черт-те что: то ли неслыханной ценности бриллианты, то ли чрезвычайно ценные культуры. В середине прошлого века «кпюты» с Карбункула пустили слух, что именно в этом сундучке спрятан украденный на пиратском бриге гигантский алмаз несчастный свистун Хьюлет Бандерога, перед тем как скрыться от возмездия на островах Кьюри и там одичать. Известно было, что шайки с эскадры кровавого бандита Рокера Бугги рыскали по островам в поисках сундучка до самой решающей схватки с клипером «Безупречный». Потом следы сундучка окончательно затерялись...

— Мы нашли эти следы! — вскричал Гена. — Пафнутти, похоже на то, что скоро мы вернем нашему народу его достояние!

— Хорошо бы к от-

Рисунки М.
Беломлинского

крытию, — сказал сенатор. — Ведь я звоню тебе, дорогой Гена, совсем не из-за сундучка, о котором наш народ уже почти забыл, хотя и не отказался бы обрести его вновь, даже не зная, что там стучит и стучит ли вообще, и нужен ли этот стук нашему красному народу, и не нарушит ли он гармоническое равновесие между островами...

«Эге, — подумал тут Гена, — уж не становись ли ты рутинером, дорогой Пафнутти?»

— ...И подлинные ли кроются там ценности, а не мнимые ли, и не разбудят ли они нездоровые страсти среди некоторых граждан Оук-Порта, которые в последнее время отряхивают пыль со своих пиратских предков, овеванных флером псевдоромантики и забывают или отодвигают на второй план других своих предков, виноградарей и рыбаков с их простой, но не менее яркой судьбиной, а совсем из-за другой причины.

— Что? — спросил Гена не без растерянности. — Я несколько запутался в вашей фразе, дорогой и уважаемый друг.

— Не из-за сундучка, а из-за музея, — чуть-чуть яснее сказал сенатор. — Мы открываем музей нашей истории и приглашаем на открытие все потомство нашего национального памятника, а также сестер Вертопраховых, капитана Рихошетникова, его семью, весь экипаж корабля «Алеша Попович» с членами их семей и друзьями, а также всех людей доброй воли, по твоему усмотрению.

— Спасибо, Пафнутти, мы обязательно приедем, а вы пока...

Он хотел попросить премьера начать поиски

таинственного коротковолновика, используя помощь вождя Фуруруа (ведь от Эмпиреев до Микронезии гораздо ближе, чем, к примеру, от Ленинграда до Гренландии), но тут по длинным коленам мировой телефонии и по всем ее стыкам прошла нервная дрожь: голос Кучке уплыл и растворился, и забормотало сразу несколько десятков голосов — тери таузерид ов миллион... твенти поинт сикс нер сент... комма... хальб дритте... масимаси... кванто оа... хав пунд... тити-мити, — Геннадий понял: мировую валютную систему вновь лихорадит.

Он поднял мяч для подачи и вдруг задумался. Весенний закат пылал над островами. Он пылал равномерно для всех, в том числе и для нас с вами, но, в самом деле, давайте скажем прямо — весенний закат над островами для тринадцатилетних детей пылает сильнее, чем для их сорокалетних родителей. Он стоял с мячом над головой и думал, глядя на весенний закат над островами, хотя это были родные Кировские, а не те далекие, далекие, далекие, где когда-то, год назад, он встретил свою партнершу в сегодняшнем матче — Дашу Вертопрахову, в те времена еще именуемую Доллис Накамур-Бранчовской.

Отягощенный этими воспоминаниями Гена подал мяч, а неотягощенный воспоминаниями Валентин Брюквин тут же погасил его. Зрители, а их было немало, ибо рядом с кортом находился дом отдыха ветеранов сцены, взорвались аплодисментами. Назревало сенсационное поражение ранее почти непобедимой пары.

— Генка, ошетинимся? — услышал он горячий шепот Даши. Удивительно, как быстро овладевала эта бывшая иностранка разными школьными ленинградскими словечками.

Гена вновь повернулся лицом к закату и вдруг увидел в небе на огромной высоте странное закатное облачко — зеленый корабль под оранжевыми парусами. Корабль стоял в необозримом пространстве, пронизанном лучами уже окунувшегося в западную Балтику солнца, и как бы подчеркивал своим присутствием необозримость этого пространства и необозримость мечты и безграничные возможности переходного возраста. Это был ответ на вопрос «а не лучше ли?» «Нет, не лучше, — сказал сам себе мальчик, — отнюдь не лучше устраниваться и предаваться удовольствиям, чем идти на помощь тем, кому наша помощь потребна!»

В небе над кортом сделала круг крупная птица. Гена взгляделся. Бог ты мой, это был старый друг чайка-самец Виссарий из устья Фонтанки. Нет, неспроста прилетел он сюда. Ему тоже хотелось стать участником приключения. Не прошло и пяти секунд, как вдоль провололочной сетки замелькали рыжие, огненные пятна. — это мчался ирландский сеттер Флайнг Ноуз, друг Пуша Шуткина. Еще через секунду нас Шуткин спрыгнул неизвестно откуда на теннисную сетку и сделал лапой жест — внимание!

Наташа Вертопрахова возмущенно топнула ножкой: прерывался матч, уплывала прямо из рук долгожданная победа над Геннадием Стратофоновым!

— Брюквин, что вы скажете по этому поводу?

— Нет комментариев, — без интонации ответил Валентин и отступил в сторону, гордо играя трехглавым мускулом бедра.

Не прошло и минуты, как на теннисном корте появилось еще одно животное — клочковатый пудель Онегро влетел с несвойственной ему прытью, галопируя передними лапами и тормозя задними, разбрасывая клочьями пену и волоса за поводок своего задыхающегося хозяина, Питирима Кукк-Ушкина.

— Товарищ Стратофонов, я вас ищу! — вскричал нелюдимый «инвентор» и бросился вдруг перед мальчиком на колени.

Трибуны разразились аплодисментами. Многие смахнули слезы с пожелтевших от грима щек.

— Вот за что я люблю теннис, — сказал ветеран сцены Даульский ветеранке Крошкиной, — какая неожиданная драматургия! В третьем сете врывается старик и падает перед чемпионом на колени! Великолепно! Даже в классике такого не бывает. Там всегда знаешь наперед, что Сильву Мореску задушат из ревности.

— Питирим Филимонович! — воскликнул мальчик. — Вы на коленях? Перед несовершеннолетним?

— Оставьте меня! — властно сказал Кукк. — Дайте мне сказать! — не вставая с колен, он быстро причесался оловянной расческой и загворил с совершенно невероятной экспрессией:

— Дети, и вы, ветераны сцены, и вы, разумные звери, включая птиц, и вы, шуршащие нежной листвою деревья, и вы, розовощекие небеса, и ты, Онегро, живое воплощение моих сорокалетних трудов, все присутствующие, — знайте, что Питирим Филимонович Кукк-Ушкин — совсем не вредный человек! Много лет, подавшись поверхностному, но магнитному чувству тщеславия, я сторонился общественности и даже зарекомендовал себя мизантропом, но вот сегодня произошел перелом. Кому я обязан этим переломом? Вам, товарищ Стратофонов, мужественный потомок командира моего предка флотского лекаря Фогель-Кукушкина, вашему примеру, дорогой товарищ юный пионер! Вот именно благодаря вашему примеру я понял, что истинный смысл моей жизни состоит не в будущих монументах и каналах моего имени, а именно в том, к чему вы призывали через закрытые двери — к служению идеалам человеческой цивилизации! И вот теперь, товарищ Стратофонов, когда я все понял, и когда я созрел для этого монолога, я вынужден закончить его тяжким сообщением — сундучок, в котором что-то стучит, пропал!

Не будем говорить о том, какими аплодисментами наградили этот страстный монолог ве-

тераны сцены, не будем описывать и тревогу, охватившую всех участников теннисного матча, их друзей-животных и членов семей.

Оказалось, что в районе бульвара Профсоюз многие дворники знали в лицо Ксантину Ананьевну, но никто не знал, к какому жэку она принадлежит.

Дворник Шамиль, например, рассказывал: — Я мету панель от овощной палатки до kiosка «Союзпечать», а от kiosка метет Феликс Грибов, но он сейчас поступил в Университет на очное отделение и больше не метет, а вместо него мела вот эта дама в фирменных очках, которой вы интересуетесь. Я ее спросил, не родственница ли она Феликсу, а она сказала, что тетя. Феликс — лингвист, и я лингвист, и тетя оказалась тоже лингвист. Мы с ней по утрам перебрасывались фразами на рето-романском языке. Это такая вымирающая народность в горной Швейцарии.

Дворник Феликс в свою очередь поведал следующее:

— Я, конечно, стараюсь теперь мести свою участок от kiosка до парикмахерской по вечерам, потому что утром посещаю лекции по матлингвистике. Частенько на участке Шамиля встречал странную даму, похожую на мужчину. Однако дама была дамой, потому что интересовалась одним пожилым гражданином с собачкой. Как-то я спросил ее, не родственница ли она Шамилю, а она ответила, что тетя — Шарафетдинова Раиса из Перми, специалист по руническим письмам. Это далекая от меня сфера, и потому я теткой этой перестал интересоваться, хотя и перекидывался иногда фразами на северо-норвежском диалекте.

— Выходит, что панель от овощного kiosка до парикмахерской подметалась дважды? — спросил Гена.

— Именно, — подтвердил участковый уполномоченный старший лейтенант Бородин. — Повышенная чистота этого отрезка меня принципиально интересовала, но я относил это за счет возросшей сознательности Фельки и Шамиля в связи с поступлением в вузы. Дворник сейчас профессия очень дефицитная, и порой приходится пополнять кадры за счет интеллигенции с предоставлением служебных помещений под жилье. Что касается аферистики, то ее, без сомнения, встречал, но принимал за чудака. В моем участке чудаков много, и если каждого опрашивать, не хватит ни сил, ни здоровья.

Короче говоря, оказалось, что фальшивая дворничиха-лингвист Ксантина Ананьевна, она же Раиса Шарафетдинова, исчезла без следа. Исчезла, разумеется, с сундучком, который она изыала у Питирима Кукк-Ушкина при помощи простого древнейшего акта, именуемого «кражей».

В обескураженном молчании стояла на углу бульвара Профсоюзная группа порядочных людей в составе Гены Стратофонта, его родителей, сестер Вертопраховых и Валентина Брюквина, капитана Рихосветникова, гардеробщицы Кукк-Ушкина, дворников Шамиля и Феликса, участкового уполномоченного Бородкина.

В робких сумерках гуляли буйные ветры, что бывает частенько в нашем городе, и под ударами этих ветров мимо наших героев прошел некто в черной хлопающей крылатке с длинным дикиensoвским зонтом в сильной желтоватой руке и в огромном черном же наваррском берете на суховатой голове, украшенной седоватыми бакенбардами и усами.

«Вот еще один чудак, — подумал участковый. — Задержать? Проверить? Нет, нельзя. Не этично как-то получается. Идет себе чудак, никому не мешает, а я — с проверкой. В городе столько развелось чудаков, что не хватит ни сил, ни здоровья...»

Персона прошла мимо группы героев вполне независимо и безучастно, лишь только коснувшись группы сардоническим взглядом. Никто ей и вслед не посмотрел.

Никто, кроме Гены. Этот последний почувствовал нечто странное, нечто похожее на прикосновение холодного кончика шпаги, странное чувство, прошедшее холодком вдоль всего позвоночника и заставившее даже сделать несколько шагов в сторону. Неотчетливая интуиция, так можно было бы назвать это чувство.

— Геннадий, ты куда? — строго спросили тут же сестры Вертопраховы.

— А вам-то что?! — вдруг заносчиво воскликнул наш мальчик и тут же взял себя в руки, подумав: «Что это я? Что это я так кричу? Ох, ломает, ломает меня переходный возраст...»

— Я... собственно я... я собственно на Крестовский к Юрию Игнатьевичу... — пробормотал он. — Ведь надо же... ведь надо же... Ведь надо же посоветоваться же!

— Ох уж! — сказали сестры, вздернув носи-

ком, и посмотрели на Валентина Брюквина, который тут же отвел в сторону ногу и завершил диалог своим постоянным:

— Нет комментариев!

Геннадий между тем перебежал перекресток и сел в трамвай дальнего следования, лишь краешком глаза заметив, как с передней площадки прыгнула в тот же трамвай черная крылатка. Никакой особой нужды в совете старшего авиатора у мальчика не было. Ясно было и без всяких советов, что следующим шагом группы порядочных людей должен быть шаг в «Интурист» для наведения справок о заморском коллекционере. Гена прекрасно это понимал и вполне был уверен, что именно в «Интурист» сейчас и направятся оставшиеся. Что же толкнуло его в трамвай, следующий на Крестовский? Черная хлопающая под ветром крылатка, прошедшая мимо них, ее беглый сардонический взгляд? Но какая же связь между этой крылаткой и авиатором Четверкиным? Не менее двадцати трамвайных пролетов отделяет Исаакиевскую площадь от Крестовского, и почему бы этой крылатке не сойти на одной из двадцати остановок, не войти в какой-нибудь свой старый дом, в какую-нибудь свою старую квартиру, не зажечь какой-нибудь свой старый камин, не сесть рядом, завернувшись в какой-нибудь старый плед, и не раскрыть какую-нибудь свою старую книгу, почему бы нет?

И все же именно черная крылатка побудила Гену броситься к трамваю, именно мгновенное настроение, возникшее на ветреном перекрестке в связи с появлением там хлопающей крылатки, именно особое настроение этой минуты толкнуло мальчика на нелогичный шаг.

Впрочем, в трамвае мальчик и думать забыл о черной крылатке, которая сидела на нескольких рядах впереди и читала газету «Утренняя звезда» на английском языке. Мальчик думал одновременно о многом, мысли его прыгали с предмета на предмет: с радиосигналов из Микронезии на сестер Вертопраховых с их заносчивостью, с универсальной еды Питирима Кукк-Ушкина на предстоящую годовую контрольную по алгебре, с предстоящей поездки на Большие Эмпиреи на свой «переходный возраст»... Все не совсем ясные ощущения он относил теперь за счет своего переходного возраста, о котором слышал столько тактично приглушенных разговоров в своей семье. Вот и сейчас его снесало какое-то неясное беспокойство, и он думал: «Ох ломает, ломает меня переходный возраст...» О сундучке, в котором что-то стучит, о пропавшем сундучке он, конечно, тоже думал, но, как ни странно, без особого беспокойства. Сундучок был конечной целью его нового приключения, а цель, все-таки даже удаляясь, даже порой исчезая, остается целью. Цель остается целью, здесь все в порядке. Что же беспокоит его сейчас, и почему ему так безотлагательно захотелось увидеть Юрия Игнатьевича?

Подойдя к этой мысли, он вдруг обнаружил

себя в полном одиночестве. Пустой ярко освещенный вагон подходил к последней остановке.

Гена выпрыгнул в темноту, послушал с неизвестным ранее волнением (переходный возраст!), как скрипят и трепещут лиственной огромные деревья Приморского парка Победы, и шагал к дому Четверкина.

Он застал своего нового старого друга в воротах. Авиатор выходил из сада с двумя плетеными корзинками в руках. В корзинках были банки моторного масла.

— Привет, дружище Геннадий! — быстро сказал старик. — Собираюсь сменить масло в аппарате. Не хотите ли сопутствовать?

Геннадий взял у него одну из корзин, и они пошли к ангару по пустынной, шумящей на ветру аллее.

— Есть ли новости из мирового эфира или от четырех львов с золотыми крыльями? — спросил авиатор.

— Есть, и побольше, — ответил Геннадий и стал рассказывать Юрию Игнатьевичу обо всех событиях прошедшего дня.

Четверкин внимал мальчику, стараясь не пропустить мимо ушей ни одного слова, как вдруг ахнул и схватился рукой за трепещущую в сумерках молодую осинку.

Двери ангара были открыты, и там в глубине блуждал огонек карманного фонарика.

— Воры! — вскричал авиатор. — Держи! — и ринулся вперед, забыв обо всем, и об опасности в первую очередь.

Фонарик тут же погас. Темнота внутри ангара сгустилась. Конечно, произойди это в 1913 году, юноша Четверкин, безусловно, заметил бы, что особенно тьма сгустилась слева от входа, что там согнулась какая-то фигура. Увы, шестьдесят лет срок немалый даже для орлиных глаз, и авиатор не заметил фигуры — он мчался навстречу гибели!

«Так вот для чего интуиция приказала мне ехать на Крестовский!» — подумал мальчик Гена, подбегая сзади к фигуре и бия ее одним из тех приемов, что освоил когда-то в так называемом санатории д-ра Лафону, в окрестностях Лондона.

Прием был проведен удачно. Четверкин проскользнул в ангар, ничего не заметив, а фигура грузно осела набок, уронив на асфальт какое-то звякнувшее оружие.

Нож? Кастет? Пистолет? Геннадий не успел протянуть руку к упавшему предмету, как увидел летящий снизу к его подбородку тупой нос огромного ботинка. Он узнал один из приемов тайландского бокса, но защититься не успел, и в этот же миг искры полетели из его глаз.

Когда Юрий Игнатьевич включил электричество внутри ангара, широкий сноп света осветил аллею и на ней крупного мальчика, сраженного приемом тайландского бокса, а рядом с мальчиком сверкающий, как новогодняя игрушка, пистолет с длинным стволом и глушителем. Метрах в десяти от ангара некто в хлопающей под ветром крылатке — странная по-

лукомическая, полудемоническая фигура — вытаскивал из кустов мотоцикл.

Когда Геннадий поднял голову, рядом взревел мотоцикл. Чуткие ноздри мальчика сквозозапах бензина уловили запах изысканной парфюмерии — вот странно: переплетались мужской одеколоном «Шик-24» и тончайший женский «Мадам Роша».

— Ха-ха-ха! — послышался хриплый смех. Запах никотина и алкогольной изжоги заглушил парфюмерию и бензин. — Ха-ха-ха-ха-ха! — торжествующий хохот, короткий взрев мотора, потом стрекотание — и мимо, за кустами, промелькнула крылатка, наваррский берет, твердый желтый нос, седой ус и бакенбард.

Торжествующий, какой-то животный хохот еще стоял в ушах Гены, когда он приподнялся на одном локте и взглянул на сверкающую «елочную игрушку». Вдоль ствола тянулась витиеватая надпись: «Мэйд ин Дисней-лэнд». Геннадий вспомнил, что такие шутовские надписи были выбиты на самом страшном оружии унаемников из госпиталя д-ра Лафону, а производилось оно в Гонконге какой-то подпольной фирмой.

Он вскочил на ноги и попал в заботливые объятия старика.

— Дружище Геннадий, что с вами? Вы целы?

— Дружище Юрий Игнатьевич! — вскричал Гена. — На тандеме мы не угонимся за злоумышленником. Не могли бы вы подняться в воздух? Это единственная возможность...

Видно было сразу, что старик в течение своей жизни побывал в разных переделках и не привык в этих переделках задавать лишних вопросов. Он немедленно бросился в кресло своей допотопной птицы и включил вполне современный жигулевский стартер. Мотор не заволился.

Четверкин поднял капот, похожий на бочок десятиведерного тульского самовара, и увидел струйку бензина, вытекающую из бензопровода. Бензопровод был разрушен. Злоумышленник выломал из хитроумной системы Юрия Игнатьевича его любимую деталь, так называемую «флейточку».

Флейточка и в самом деле была похожа на древний музыкальный инструмент, эдакая дудочка с тремя клапанами. Она попала в руки авиатору полвека назад при странных обстоятельствах, о которых он расскажет позднее. Сейчас он поведает своему юному другу лишь об одном удивительном свойстве любимой флейточки.

Когда-то в двадцатые годы Четверкин конструировал очередной двигатель и вдруг хватился, что ему нечем нарастить бензопровод. Тогда и додумался он нарастить бензопровод флейточкой, предварительно окутав ее толстой медной проволокой. Тогда и заметил Четверкин странное свойство. Мотор стал заводиться в любую погоду, в любую сырость, в любой мороз. Она, эта флейточка, как будто прогревала всю бензосистему, как будто сохраняла

тепло. С тех пор Четверкин стал вставлять ее во все свои конструкции и даже брал ее с собой в арктические экспедиции. Полярники не раз удивлялись, как легко заводятся многотонные «АНЫ» пилота Четверкина, а он только усмехался.

— Вы хотите знать, дружище Геннадий, что за странность была в этой флейточке? Дружище мой мальчик, она была теплой! Она всегда была очень теплой, на любом морозе...

— Как будто бы была сделана из дерева «сульп»... — задумчиво проговорил Гена.

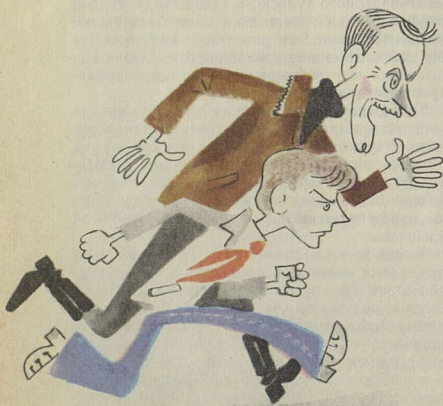
— Что?! — вскричал пилот. — Что-что-что? Дружище юный пионер, не кажется ли вам, что мы, благодаря вашей удивительной интуиции, вновь оказались на пороге тайны?

— Мне кажется, — тихо сказал Гена. — Мы оказались на пороге, но...

Дома он застал веселое оживление. Все чемоданы и баулы были вытащены и туда бросалось имущество, в основном летние короткие маленькие вещи легкомысленных расцветок. Оказалось, что вопрос о поездке на Большие Эмпирии решен положительно, и все собираются в дорогу.

— А что же синьор Адольфус Сестина Сиракузерс? — спокойно спросил Геннадий, прикрывая носовым платком распухшую на таиландский манер нижнюю челюсть.

— А вот с этим маленькая неувязочка, дружище сын, — весело сказал папа Эдуард — В «Интуристе» нам сообщили, что скотопромышленник улетел вечерним самолетом компании «Панам» в Стокгольм. Сундучок, разумеется, он увез с собой. Мы уже сообщили об этом в Оук-Порт сенатору Куче. Республика будет добиваться возвращения национального достояния по дипломатическим каналам.

Носовой платок упал на пол, и тут же послышался смех. В окна Стратофонтовой квартиры смотрели лукавые лица сестер Вертопраховых.

— Ой, Генка, — сказала Даша, — с этой челюстью ты стал чем-то напоминать полковника Мизераблеса.

— Неуместная шутка! Глупое сравнение! — воскликнул, побавровев, Геннадий. — Валька, почему ты молчишь?

— Ну комментс, — ответил с улицы Валентин Брюквин.

Он стоял на тротуаре и поигрывал мускулами ног. Таким образом он приучил себя бороться с капризами переходного возраста.

в которой
происходят такие
обычные вещи,
что опытные люди
предпочитают спать,
закрыв лицо
газетой
„Ежедневное зеркало“

В Париже, в аэропорту Орли, была пересадка. Здесь потомки капитана Стратофонтова и сопровождающие их лица должны были пересестись с лайнера «Аэрофлота» на лайнер «Эр Франс», чтобы лететь до острова Маврикий и там пересестись на лайнер компании японского общества «Джайл» и лететь на Зурбаган, а там пересестись на лайнер «Грин», чтобы перелететь в Гель-Гью, где уже их будет ждать специально зафрахтованный 20-местный и вполне пригодный к употреблению самолет эмпирейской ассоциации «Кассиопея констеллешнс эр чанс». Увлекательное путешествие ожидало наших героев, а пока перед посадкой в стеклянном дворце Орли они били баклуши всяк на свой манер.

Ну, Наташа, конечно, Вертопрахова отражала атаки представителей прессы. Нет, не собираюсь. Да, слушаюсь родителей. Нет, не намерена. Да, своими успехами обязана тренеру Г. Н. Гумберту.

Ну, сестра ее, конечно, Даша загадочно блистала знаниями иностранных языков, марокканцев удивляя по-мароккански, испанцев — по-испански, сербов — по-сербски, ибо нет на свете языка, не родственного эмпирейскому, и нет на свете эмпирейца, который не был бы потенциальным полиглотом.

Ну, Брюквин, конечно, Валентин молча пил у стойки бара газированный напиток кока-колу и на все вопросы международной публики отвечал своим излюбленным «ну комментс», что, как известно, в дипломатии равносильно многозначительному молчанию.

Ну, мама, конечно же, Элла тоже употребляла кока-колу и с ужасом вспоминала, чего ей в юности наговорили про этот напиток — дескать, прямо с ним проникают в кровь вред-

ные мысли. Но вот же пью и просто охлаждаюсь, ничего не проникает. К тому же рядом сидит напиток спутник Стратофоновых Помпезов Грант Аветисович, сотрудник общества «Альбатрос».

Ну, Помпезов, конечно, Грант Аветисович цецил напиток приговаривая:

— Наш-то квасок покрепче будет.

Ну, отец, конечно, Эдуард встретил в Орли знакомое — мистера Бэзила Сноумена, такого же, как он сам, члена Клуба Покорителей Вершины Навилатронгкумари с Восточной Стороны, ну и, конечно, был баклуши вместе с этим джентльменом, предаваясь приятным воспоминаниям.

Ну, бабушка, конечно, Мария Спиридоновна купила множество цветных пост-карточек и направила теперь приветы друзьям-однополчанам.

«Привет орлам из Орли!» — таков был текст. Не так уж дурно, не так ли?

Ну, и Гена, конечно же, Стратофонов среди всеобщего бития баклуш продолжал развивать наше приключение, на то он и наш главный герой.

Для этой цели он сидел в мягком кресле и беседовал с Юрием Игнатьевичем Четверкиным о таинственной «флейточке».

Ну, Юрий, конечно, Игнатьевич Четверкин сидел с ним рядом и доброжелательно смотрел на парижан и гостей французской столицы. Четверкин находил, что с 1916 года, когда он побывал здесь в составе Русского Экспедиционного Корпуса, парижане почти не изменились: те же «силы ву пле» и «са ва». Между тем он рассказывал своему юному другу о «флейточке».

В марте 1914 года подпольная группа, к которой Юрий Игнатьевич примыкал, решила организовать побег из крепости одного революционера по имени Павел Конников. Этот человек для всей мыслящей молодежи России был настоящим идеалом: моряк, путешественник, боевик 1905 года, один из первых русских авиаторов, подпольщик, публицист, спортсмен... Такого особенного человека и спасать надо было как-то особенно, и молодежь ошеломила жандармов своей дерзостью...

В час прогулки над двором крепости появился военный ньюпор и сбросил взрывательный пакет на стену. Вреда никакого от этой бомбы не было, но дыму, шуму, паники на всю ивановскую. Со второго захода Четверкин (ньюпор пилотировал, разумеется, он) сбросил за борт веревочную лестницу, и когда вынырнул из дыма и полетел к лесу, увидел на веревочной лестнице человека с развевающейся шевелюрой — это был Павел Конников!

Объявлена была тревога по всей округе. Жандармы знали, что самолет скрылся где-то поблизости в карельских лесах, и обложили все дороги и тропы. Одного не учли малоразвитые жандармы — особенностей буерного спорта. На льду одного из озер Четверкина и Конникова ждал буер, предварительно доставленный

из Финляндии, буер, который при попутном ветре мог развить скорость современного автомобиля. Да, именно буер и пара надежных «маузеров» помогла революционерам вырваться из колыба.

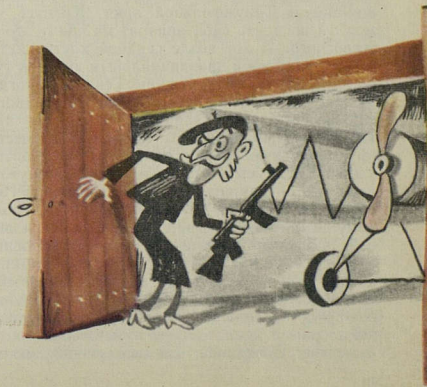
Конечно, началась дружба. Конников был старше Четверкина на два десятилетия, но ведь дружба, как мы видим, не мешает разнице даже и в шесть десятилетий. Конников под конспиративным именем Василий Никитович Бурже вместе со своим молодым другом участвовал во всех авиационных праздниках, конструировал новые аппараты, а когда разразилась первая империалистическая война, они вместе начали летать на первом в мире многомоторном бомбардировщике Сикоровского.

Рядом они прошли и гражданскую. Однажды, в дни эвакуации белых армий с юга России, Четверкин и Конников совершали воздушную рекогносцировку над Новороссийским портом. Шрапнельный снаряд с миноноски прикрытия взорвался слишком близко от старого латаного-перелатанного «вуазена». Они еле дотянули до берега и врезались в гору. Юрий Игнатьевич потерял старшего товарища.

Подобно многим скитальцам, романтикам, бунтарям Конников не успел обзавестись семьей, он был совершенно одинок, и все его имущество осталось Четверкину, а именно: ковровый саквояжик с двумя сменами белья, свитером, бритвой «жиллет», томиком стихов и этой «флейточкой», которую он привез из своего заморского путешествия еще до революции пятого года.

Он не был особенно музыкален, этот своеобразный человек, но иногда в какие-нибудь меланхолические минуты он начинал играть на этой дудочке, вернее, не играть, а дуть в нее — она сама как будто бы играла. Из нее вырывался странный дикий примитивный мотив, немислимо далекой древности, допотопными временами веяло от этих звуков.

Любопытно также, что если Конников играл

на своей дудочке в помещении, в какой-нибудь, скажем, избе, там начинали скрипеть и открываться двери, окна, ставни, по дому гуляли сквозняки... вообще возникало странное чувство, какая-то тревога. Он нередко на ней играл. И никогда не отвечал, откуда у него эта штука, только улыбался. Вам это интересно, дружище Геннадий?

— Чрезвычайно интересно, дружище Юрий Игнатьевич, — сказал Гена. — Скажите, кроме меня, вы в последнее время рассказывали кому-нибудь о Павле Конникове и о «флейточке»?

— Позвольте, позвольте, позвольте подумать, — медленно сказал Четверкин и погрузился в раздумья.

Геннадий был уверен в том, что старый пилот рассказывал кому-то эту историю и в самом недалеком прошлом, но он не торопил его и пока что наблюдал текущую мимо международную толпу. Прошлогодние странствования по интерконтинентальным авиатрассам научили сообразительного мальчика, что и из созерцания толпы можно иногда извлечь кое-что интересное.

И вот он извлек. Возле стойки бара прямо за спиной его мамы Эллы остановился некий верзила-блондин. Он был облачен в наимоднейший серый костюм с высокоподнятыми плечами и разрезом чуть ли не до лопаток, волосы ниспадали ему на плечи — то ли знаменитый футболист, то ли телезвезда, то ли просто плейбой — но... что-то в его манере напоминало мальчику тех парней, которые...

— Вспомнил! — воскликнул Юрий Игнатьевич. — Недели две назад я посетил Зоологический музей, просто так, без особой цели, просто лишний раз полюбоваться гигантским скелетом голубого кита. Знаете, вот уж сколько лет я посещаю Зоологический музей и всякий раз восхищаюсь исполином. Ведь это животное превосходило своими размерами по крайней мере одну из каравелл Колумба. Знаете, поднимаетесь по лестнице музея, и вдруг над тобой нависает челюсть кита, словно свод какой-нибудь Триумфальной арки. Клянусь, я мог бы посадить свой аппарат на спину этого животного! И вот возле грудной клетки кита я познакомился с провинциальным юношей туристом. Вы знаете, дружище Гена, я никогда прежде не встречал такого невежественного юноши. Он спросил, например, меня, где у кита располагаются жабы. Пришлось прочесть ему маленькую лекцию о морских млекопитающих. Когда мы вышли из музея, обнаружил, что он приписывает честь постройки Петербурга не Петру Великому, а Ивану Грозному. Амфир он называл готикой, каштан липой, про Зимний дворец он сказал, что это, наверное, гостиница «Интурист». Я провел с ним целый день и открыл ему глаза на сотни вещей, о которых он имел совершенно неправильное представление. И лишь в одном месте юноша посрамил меня, в Музее музыкальных инструментов. Оказалось, что он великий знаток

флейт и знает всех мастеров этого инструмента, начиная от эпохи Возрождения, которую он, конечно, называл эпохой Извержения, и до наших дней. Тогда я рассказал ему историю моей «флейточки» и даже показал ему ее в моем аппарате. Он был моим гостем, и мы расстались друзьями, правда, потом уже не виделись: он уехал в свою провинцию.

— Как он назвался? — спросил Гена.

— Федя Говорушкин. Или Игорь Чекушкин. Что-то в этом роде.

— И вы не заметили в нем ничего странного?

— Ровно ничего странного. Обыкновенный юноша, только очень невежественный, — сказал Юрий Игнатьевич.

— А сколько лет было этому юноше, на ваш взгляд, дружище Юрий Игнатьевич?

— Вот! — вскричал старый авиатор, хлопая себя по лбу. — Как вы проникательны, дружище Гена! Возраст этого юноши был очень стран. Иногда он мне казался юношей восемнадцати лет, а иногда юношей лет сорока пяти.

— Вопросов больше нет, — сказал Геннадий, встал и медленно подошел к верзиле-блондину, который тоже смотрел на него, вытирая со лба капли холодного пота.

— Вы плохо себя чувствуете, сэр? — вежливо спросил мальчик, внимательно разглядывая шрам на щеке блондина, похожий на след стрелы племени «Ибу».

— Пardon, pardon, мы вовсе незнакомы, молодой джентльмен, — забормotal верзила. — Я нигде не лечу, я просто провинциал из Аахена, просто зевака и сейчас немедленно убиваюсь восвояси!

Он вскопнул, выбросил в мусорную урну голубой транзитный билет, выбежал из здания аэропорта, упал в такси и был таков.

Геннадий не погнушался вынуть билет из урны и прочесть там имя владельца: «М-р Уго Ван Гуттен» — и направление: «Оук-Порт, Большие Эмпирей». Конечно же, не имя интересовало Гену. Имя у таких персон — а Гена вспомнил эту персону — меняется каждый месяц. Его интересовало направление. Оук-Порт? Вот как? Надо быть настороже!

В это время объявили посадку на их самолет, и все они: Гена, мама Элла, папа Эдуард, бабушка, сестры Вертопраховы, Валентин Брюквин, Ю. И. Четверкин и референт общества «Альбатрос» Г. А. Помпезов — в числе прочих пассажиров погрузились в «Каравеллу», долетели до острова Маврикий, там погрузились в «Комет» и долетели до Мальдив, там погрузились в «Бонинг» и благополучно долетели до Зурбагана, где их ждал немалый сюрприз.

Зурбаганский аэропорт в наши дни стал похож на ярмарочную площадь. Прошли те времена, когда из допотопных дирижаблей высаживались здесь суровые шкиперы и штурманы, которые, дымя своими трубками, направлялись в морской порт, к своим парусникам, к своим сугубо таинственным и важным делам. Прославленный замечательным русским писателем Александром Грином город стал теперь прибежищем начинающей творческой интеллигенции всего мира, начинающих писателей, начинаю-

щих артистов, киношников, музыкантов, а также множества туристов и, конечно хиппи.

Все эти люди почему-то облюбовали для своих встреч летное поле и с утра до глубокой ночи толпились здесь, сидели за столиками импровизированных кафе, танцевали, пели, ссорились, мирились, а то и спали прямо на бетоне, завернувшись в непальскую кошму или марокканскую баранью шкуру.

И вот среди этой публики наши путешественники заметили нетипичную фигуру. Два хиппирикши (один из них английский лорд, другой — сын парфюмерного короля) вкатили на аэродром коляску, в которой восседал не кто иной, как Адольфус Селестина Сиракузерс, буйвол мясной индустрии и мультимиллионер, увезший из Ленинграда тот самый «сундучок», в котором что-то стучит, тот самый главный предмет всего нашего повествования.

Сиракузерс восседал в коляске словно символ всего мира эксплуатации. Он держал в толстых пальцах великолепную сигару, временами тыкал пяткой в худые спины рикш и заглатывал голубые капсулы для своих внутренних процессов.

За ним еще с десяток хиппи толкали тележки с его барахлом — с огромными кофрами из крокодильей кожи и с медными застежками, молниями и углами. Вся процессия катилась к самолету «ЯК-40» зурбаганской авиакомпании «Грин», к тому самому самолету, куда должны были погрузиться и наши путешественники.

— Где я? — спросил Сиракузерс у агента компании, сухопарого господина в треуголке с

плوماжем. — Где я и куда я? Скоро Нью-Йорк?

— Сэр, в соответствии с вашим билетом вы погружаетесь в самолет компании «Грин» для дальнейшего следования в Гель-Гью. Нью-Йорк в вашей дистанции не значится, сэр.

— Ах да, я лечу в Буэнос-Айрес через Панаму, — припомнил Сиракузерс.

— Отнюдь нет, сэр. Вы летите в Джакарту через Аделаиду с посадкой в Гель-Гью.

— Родные и друзья! — торжественно произнес Геннадий, обращаясь к делегации наших героев. — Как подсказывает мне интуиция, сейчас наступает кульминационный момент нашего приключения, и потому я исчезаю, если вы, конечно, не возражаете.

— Дружище сын, ты гораздо опытнее всех нас в международных делах, и интуиция тебя никогда не подводила, — сказала мама Эллы.

— Поторопиться, товарищ Гена Стратофонов, — сказал Грант Аветисович, — поторопиться, пока я заполняю таможенные декларации и как будто бы ничего не вижу.

...«ЯК-40» авиакомпании «Грин» стартовал с зурбаганского аэродрома, словно прыгун в высоту: короткий разбег, взлет, и вот он уже скрылся за цепочкой нежно-зеленых гор.

Сиракузерс очень удивился, когда увидел приставленное прямо ко рту дуло автомата.

— Пардон, я ничего не заказывал, — пробормотал он и полез было себе под галстук за таблеткой ориентации, но тут над его головой прогремел страшный голос.

— Ни с места, папаша, а то наглотаешься пули!

Мясной король поднял глаза, увидел над собой каменную челюсть, сплюснутый нос, черные очки, вспомнил молодость и понял: он в руках «ганга».

Прямо скажем, ничего особенного в самолете не произошло. По нынешним временам довольно обычная процедура. Два бандита держали под мушками экипаж самолета, пожилая дама в шляпе с лиловыми цветочками угрожала бомбой пассажирам, а четвертый бандит, самого устрашающего вида, адресовался лично к мультимиллионеру Сиракузерсу. Словом, происходило вполне тривиальное «хайдженинг», то есть угон самолета в неизвестном направлении.

— О-о-о-о, — зевнул пожилой коммерсант, сидящий рядом с бабушкой Стратофоновой. — Я уже третий раз попадаю в такую историю, мадам. Когда работа разъездная, ко всему привыкаешь, но скучно, мадам, скучно... Люди разучились развлекаться. Реклама врет. Покупаешь чистое масло, а там на 30 процентов химии. Прошу прощения, я обычно сплю во время захвата самолета. Спящий, как пьяный, в него не стреляют...

Он закрыл лицо газетой «Ежедневное зеркало» и тут же захрапел.

Мария Спиридоновна не сказала своему соседю ни одного слова, да она его и не слушала. Она трепетала от возмущения. Всякий акт воздушного пиратства возмущал ее до глубины души в первую очередь как летчика по профессии и не в последнюю очередь как рядового человека. Лишь строгий взгляд Гранта Аветисовича остановил боевую женщину от решительных, но, пожалуй, не очень продуманных действий.

— Да, Мария Спиридоновна, — посветовал товарищ Помпезов, — на фронте всегда знаешь, что делать; за границей — не всегда.

— Коллега, — возбужденно зашептал Юрий Игнатьевич Четверкин. — Это я вам, Мария Спиридоновна. Во имя свободы мировой авиации я готов пожертвовать собой. Созрел план. Я жертвую собой, а вы обезоруживаете мерзавцев! Недурно?

— Юрий Игнатьевич, ваш план еще не созрел, — сквозь зубы процедил папа Эдуард. — Прошу не торопиться.

Он сидел рядом со своей женой мамой Эллой, и в эти критические минуты супруги были до странности похожи друг на друга: и у альпиниста, и у парашютистки были в эти критические минуты одинаково суженные глаза, жесткий настороженный взгляд и одинаково напряженные позы. Спортсмены, родители Геннадия, казалось, были готовы к прыжку.

Что касается молодежной части делегации, то она по-разному реагировала на происходящее. Валентин Брюкнин, не меняя безучастного выражения лица, внутренне ликовал. Что там говорить, Брюкнин Валя немного завидовал выпавшим на долю его друга приключениям. И вот теперь он сам, мальчик, впервые покинувший родной город, попал в такую блистательную передрагу. Появились великолепнейшие возможности для проявления героизма и для показа окружающим, включая сестер Вертопраховых, своего истинного лица, скрытого под маской непрерывного спокойствия.

Даша Вертопрахова помрачнела: новая встреча с «мафиози» напомнила ей недавние времена и ее жеманную и страшную «мамочку» мадам Накамура-Бранчонскую в ореоле ее фальшивой красоты.

Что касается чемпионки по художественной гимнастике, то она была совершенно спокойна. Во-первых, занятия спортом в обществе «Трудовые резервы» приучили ее к оптимистическому взгляду на мир. Во-вторых, она была уверена, что ее исчезновение не пройдет бесследно для цивилизованного мира, и уже через час корреспонденты затрубят о неприбытии самолета с ленинградской грядой в Гель-Гью, и поднимется такой шум, что бандиты испугаются и всех отпустят. И в-третьих, самое главное соображение она таила в глубине души и даже сама себе почти не признавалась, что надеется в основном на ловкость, храбрость и интуицию одноклассника, этого «несносного» Генки, который так таинственно исчез на аэродроме

Зурбагана. Где он? Где Гена? Эта мысль тревожила и всех членов нашей делегации.

Между тем самолет по приказу гангстеров изменил курс и летел в бескрайней синеве, где море сливалось с небом. Несколько часов в этой синеве не было никаких ориентиров другого цвета, за исключением отблесков солнца, и некоторым впечатлительным персонам из числа измученных пассажиров стало уже казаться, что они летят в пространстве какой-то иной планеты, где нет никаких признаков человеческой цивилизации.

Вдруг самолет круто пошел вниз, и справа по борту открылся остров, похожий очертаниями на Англию. Коммерсант, сосед Марии Спиридоновны, так и сказал, проснувшись и сняв с лица газету:

— А-а, уже Англия... охо-охо...

Одно из двух: или коммерсант был малограмотным человеком, или еще не совсем проснулся — ведь Англию целиком можно увидеть только из космоса.

Этот остров был, конечно, не Англия. Это был крошечный тропический островок со всеми обязательными атрибутами: остроколючей горой, густо-зелеными джунглями, широкими песчаными пляжами и бордюром снежно-белого вечного прибоя.

Когда-то, еще в пятидесятые годы, когда ртуть холодной войны упала до весьма опасных пределов, одна из великих держав начала здесь строить секретный аэродром, но потом вдруг ртуть подскочила, и стройка остановилась. Культурные обмены требовали все новых

На такую полосу и нацеливался сейчас захваченный самолет, вернее, на нее нацеливались в первую очередь «хай-джекеры», но так как их оружие было нацелено в затылки пилотов, то пилоты выполняли приказание и нацеливались на полосу бетона, пробитого во многих местах мощной тропической растительностью.

Маленький реактивный лайнер погасил скорость и остановился целый и невредимый в нескольких метрах от пучка мощных кокосовых пальм, столкновение с которыми грозило несомненной гибелью.

Преотвратительный толстяк в расписных гавайских плавках, сидящий в шезлонге под одной из этих пальм, посмотрел на часы «роллэкс» (благородное швейцарское изделие охватывало волосатое бандитское запястье), глотнул из горлышка черной окинавской водки и промычал удовлетворенно:

— Чистая работа. Минута в минуту.

Те из читателей, кто предварительно прочел книгу «Мой дедушка — памятник», без труда узнали бы в отталкивающем толстяке Латтифудо. Выбравшись каким-то чудом с Больших Эмпиреев и избежав гнева народа, он через месяц и думать забыл, что был одним из отрицательных героев той книги, угрызений совести он не испытывал.

Вместе с Латтифудо под сенью пальм в шезлонгах сидело еще несколько «джентльменов», и, кроме кавычек и плавков, на этих джентльменах тоже ничего не было.

Между тем самолет заглушил свои двигатели, открылся люк и оттуда прямо на бетон, словно неодушевленный предмет, был выброшен мультимиллионер Сиракузерс. Он шмякнулся, распростерся и так и остался лежать на раскаленном бетоне, кряхтя, стеная и бормоча себе под нос:

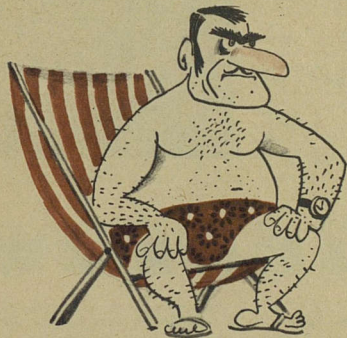
— Больше никогда, никогда, никогда не буду заказывать себе финскую баню!

Вслед за этим из самолета вытолкнули членов экипажа, включая двух стюардесс.

Затем открылся люк багажного отделения и из самолета было выгружено барахло Сиракузерса — семь огромных кофров из крокодильей кожи с углами и застежками из цветных металлов.

Вслед за этим на бетон выпрыгнули «хай-джекеры», все четверо, включая старушку в шляпке с лиловыми цветочками. Последняя сразу сбросила свою старушечью шляпку и рассыпала по плечам рыжую густую гриву. Затем она очень ловко выскочила из старушечьего костюма и оказалась в пляжном костюме «бикини».

Буба Флауэр, а это была именно она, приблизилась к распростертому Сиракузерсу, взяла его за шиворот и легко потащила покряхтывающее тело — это сто пятьдесят-то кг! — по бетону к пальмам.

и новых средств, в конгрессах стучали кулаками на генералов, а тропическая растительность пробивалась сквозь бетон законсервированных взлетно-посадочных полос.

Продолжение следует

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА
БЕЗ ВОЛШЕБСТВА,
НО С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

Рисунки М. Беломлишского

— Кресло сеньору Сиракузерсу! — Латтифудо положил руку на колено Сиракузерсу, от чего колено задрожало. — Милый Адольфус Селестина, ты не пленник ведь мой, ты наш гость дорогой. Чего хочешь?

— Хочу таблетку «ксеркс» от дрожания, — промывчал Сиракузерс.

— Дай ему таблетку, Эль-Гриди! — попросил Латтифудо через плечо, и один из его подручных ребром ладони огрел Сиракузерса по загривку.

— Массаж никто не заказывал! — рявкнул Сиракузерс, да так грозно, что все без исключения вздрогнули. Все-таки в конце концов они не что иное, как прислужники людей типа Сиракузерса, и грозные интонации своих хозяев они знают проточно.

— Мистер Сиракузерс, вы уж не обижайтесь, — почти унижаясь, сказал Латтифудо, — мы тут малость одичали в джунглях, вас дожидаясь. Вот и Эль-Гриди, добрейший ведь малый, но не малость одичал. Говоришь ему: дай

таблетку, а он сразу по шее! Сами посудите, откуда у нас здесь таблетки «ксеркс», откуда манеры? Милейший Адольфин, ведь нам от вас очень мало надо. Вы нам только скажите, дружище, в каком из номеров вашего багажа лежит сундучок, и все ваши остальные вещицы будут в сохранности. Ну-с, Селестиночка, в каком?

— В третьем, — ответил Сиракузерс, совершенно не понимая, чего от него хотят на пляже Копакабана. Честно говоря, он уже забыл, что он в руках «ганга» и полагал себя в Рио-де-Жанейро.

— Bravo! — воскликнули бандиты. — Вот это парены! Ай да Сиракузерс! Понимает, что игра проиграна, и не темнит!

Двое бандитов не выдержали, подбежали к третьему кофру и приложили к его крокодиле-му боку свои мозолистые уши.

— Стучит! Ей-ей, стучит! — возбужденно завизжали они. — Ребята, там что-то стучит. Ура! Виктория! Победа! Эй, Фулос, тащи отмычку!

— На место! — рявкнул Латтифудо и строго повернулся к Бубе. — А где же Лестер Тиу-Чан? Остался в самолете?

— Лестер Тиу-Чан не прилетел из Парижа, — ответила авантюристка. — Подозреваю, что струсил.

— У нас руки длинные, — зловеще сказал Латтифудо. — Кто в самолете?

— Обычная публика, кроме... одной деле... — начала было Буба, но вдруг все на острове услышали низкий свистящий звук. Сомнений не было: так свистят при запуске реактивные двигатели. Бандиты вскопили, расхватали оружие и бросились к самолету. Поздно! Люки «ЯКа» были задрены. Самолет медленно разворачивался среди пальм и кустов, которыми поросла бетонная полоса за годы консервации. Автоматные очереди уже не могли ему помешать. Он выбрал удобное место, прицелился, стартовал и буквально через три минуты растаял в густой океанской синеве.

— Ослы! — завизжал Латтифудо. — Вы оставили там кого-то из экипажа?

— Все они здесь, — прорычала сквозь зубы Буба Флауэр. — Наверное, среди пассажиров был летчик. Там был один, он спал, закрывшись газетой, наверное летчик. Мне все время хотелось в него выстрелить, но вот не выстрелила. Ничего, далеко не улетят. У них пустые баки.

— На сколько там осталось горячего? — рявкнул Латтифудо и ткнул пистолетом в грудь командира экипажа, привязанного к пальме так же, как и остальные летчики и обе стюардессы.

— К сожалению, всего на тридцать минут, — проговорил командир и закрыл глаза, не в силах уже смотреть на рожи воздушных пиратов. Он знал, что его прикончат через несколько минут, так зачем же эти несколько минут оскорблять свои глаза зрелищем недостойных людей? Лучше уж вспомнить что-нибудь яркое, пре-

Продолжение. См. «Костер» № 1, 2, 1975 г.

красное, а этого яркого, прекрасного было довольно много в жизни летчика-зурбаганца.

— А рация? — взвизгнул Латтифудо. — Они сейчас на весь мир раззвонят про наше логово!

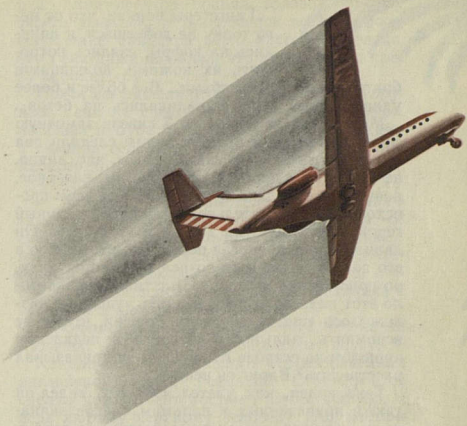
— Не волнуйся, Латтифудо, — хихикнула Буба Флауэр. — Рацию я того... — она показала стволом автомата, что она сделала с рацией.

— Крошка, — ласково сказал Латтифудо.

— Пупсик, — сказала Буба.

Они успокоились и принялись потрошить третий номер из багажа короля мясной индустрии.

Там оказались странные вещи: чучело фламинго, макет города Порту-Алегру, три пары протертых от старости боксерских перчаток, картонная коробка с пакетами вермишелевого супа, дурная копия знаменитой на весь мир картины «Опять двойка!», горностаевая мантия 27-го по счету герцога Рухтенштейна, чучело опоссума, несколько рулонов пипифакса с видами юго-западных Альп, шина грузового автомобиля «Даймонд», макет книги с надписью: «Любите книгу — источник знаний», полный комплект рыцарских доспехов, три конских хвоста, круглая и закрытая со всех сторон емкость, внутри которой плавали целлулоидный лебедь, три пластмассовых рыбки, цветы

и девочка-крошка; были здесь также турецкие туфли, кальян, примус, кремневое ружье, мешочек сухофруктов и макет Останкинской телебашни. Не было здесь только «сундучка, в котором что-то стучит».

— Это что такое, папаша? — ласково спросил Эль-Гриди на ухо Сиракузерса. — Ты над нами подшучивать решил? Учти, на этом острове нет ничего, но на нем есть очень хороший музей. Музей орудий пытки, папаша!

Мультимиллионера вытащили из шезлонга и стали подтягивать и привязывать к пальме. Это ему неожиданно понравилось, он хихикал, смущенно крутил шей, жмурился от удовольствия. Потом он вдруг увидел разбросанные вокруг вещи из своего третьего номера и разрыдался.

— Реликты! — восклицал он сквозь слезы. — Реликты памяти! Память странная вещь, господа! Например, эта шина для вас ничего не значит, а для меня это целая веха — память о первом представлении оперы «Флория Тоска» в театре маэстро Кальяо, где я сидел в генеральной ложе вместе с Люцией фон Адьо, которая тогда являлась...

— Где сундучок, в котором что-то стучит? — взревело сразу несколько зуботок, и несколько новеньких, похожих на зубоврачебные инструменты орудий пытки приблизились к телу мясного короля.

— Везде! — восторженно сквозь слезы вдруг ожившей памяти сказал Сиракузерс. — Везде что-то стучит, господа, везде стучит память, как пепел кого-то стучал когда-то в чье-то что-то. Уберите, уберите, господа... золотые двадцатые годы... старый дружище Аль-Капонэ... дубль-хуч... пуленепробиваемые автомобили... чарльстон...

Гангстеры поняли, что от него толку не добьешься, и ринулись на кофры, взялись потрошить их ножами, ножницами, бритвами, ногтями, зубами... Все более и более удивительные вещи вываливались на бетон...

Между тем из кофра № 7 сквозь замочную скважину за всем происходящим следили два серых внимательных глаза. Что ж, вас, видно, не проведешь, дорогой читатель: вы, наверное, давно уже догадались, что из № 7 за всем происходящим внимательно следил наш главный герой, неустрашимый Гена Стратофонов. Он давно бы уже предстал перед бандитами, ибо в его голове давно уже созрел блестящий план, но присутствие господина Латтифудо подрезало этот план на корню. А вдруг чудовище разложилось еще не до такой степени, чтобы не вспомнить мальчика, которого в недалеком прошлом на острове Карбункул он приказывал расстрелять? Вдруг он вспомнит?

Гена видел, как улетел «ЯК-40», видел он также привязанных к пальмам членов экипажа и понимал, что самолет подняли в воздух два его любимых ветерана авиации — бабушка и Юрий Игнатьевич. Сейчас ему предстояло решение: а) можно незаметно выскользнуть из кофра № 7, спрятаться среди «реликтов памяти», а потом улизнуть в джунгли и оттуда уже

предпринять партизанские действия, б) с жутким воем и клеточком выскочить из № 7, схватить автомат, освободить пилотов зурбаганского аэро и атаковать преступников, в) ...вариант «в» был невозможен в присутствии Латтифудо.

Внезапно Гена понял, что объекта столь страстных поисков, т. е. сундучка, в котором что-то стучит, вообще нет среди багажа Адольфуса Селестины Сиракузерса. Бандиты выпотрошили уже все кофры, за исключением того, в котором прятался сам Гена, а здесь — мальчик готов был поклоняться — ничего не стучало, кроме его собственного сердца. В седьмом кофре буйвола мясной индустрии таились, вероятно, реликты самой глубокой памяти богача, ибо все вокруг было мягкое, трухлявое и не очень приятно пахнущее. Открытие это, надо сказать, обескуражило и Геннадия: ведь именно ради сундучка, ради этого исторического достояния эмпирейского народа мальчик и застрял в багаже миллионера.

Итак, вариант «а»... нет, уже поздно — бандиты с ножами, молотками и пилами приближались к последнему кофру. Итак, значит, единственное, что осталось, это вариант «б» — «с жутким воем и клеточком»...

Вдруг из пальмовой рощицы, отделяющей заброшенный аэродром от бухты, раздался

низкий звук, похожий на сирену катера береговой охраны. Бандиты встревожились, Латтифудо бросился разыскивать свои шорты и рубашку. Он страшно волновался, а верный Эль-Гриди прыскал в его волнующийся рот освежающей жидкостью «Одооро».

— Буба, остаешься за главным! — крикнул Латтифудо. Он суетливо застегивал пуговицы своего костюма и всякий раз вздрагивал, когда из-за пальмовой роши доносились новые гудки. — Сюрприз, — бормотал он, — вот так сюрприз, прибыли раньше времени... ой, беда... шкуру снимут... Шкуру сниму! — рывкнул он вдруг на Бубу. — Ищите сундучок! Шкуру снимите с Сиракузерса! Ищите!

Он вытащил из кустов мопед с маленькими колесами, прыгнул в седло, заработал ногами и замелькал среди пальм с живостью, которой мог бы позавидовать сам Микки Маус.

— Хочет на нас все переложить. Подхалим, — сказала ему вудил Буба, — попадешься мне как-нибудь в руки!

Гена и опомниться не успел, как разъяренная «авантюристка» разрядила в кофр № 7 свой автомат! Добрых полсотни пуль прошили кожаный контейнер в двух-трех сантиметрах над головой нашего героя. Мальчик усмехнулся. Вступал в действие вариант «в».

Подобно герою классической сказки, Генна-

дий Стратофонтон поднял головой крышку своего убежища и выпрямился во весь рост. Изумление бандитов было настолько велико, что Гена даже пожалел, что не применил сразу вариант «б».

Почти все забыли от изумления о своем оружии. Гена же спокойно выпрыгнул из кофра, подошел к Бубе Флауэр, шелкнул каблукками и склонил голову с четкой галантностью примерного колледж-боя.

— Добрый вечер, мисс!

— Кто вы? — пробормотала эта супердива в таком смятении, что если бы Гена ответил: «Я сундучок, в котором что-то стучит», она наверное поверила бы — таким загадочным, фантастическим показалось ей появление среди старой рухляди здорового, стройного мальчика с веселыми и спокойными глазами.

— Очень красивый костюм, мисс, — сказал мальчик. — Отдаю должное вашему вкусу.

Каково самообладание! На безукоризненном английском языке Геннадий Стратофонтон сделал комплимент костюму Бубы Флауэр, а ведь любому нервному человеку этот костюм показался бы почти полным отсутствием костюма.

— Вы находите? — кокетливо спросила Буба. Комплимент всегда бодрит женщину. Взбодрилась и авантюристка и; взбодрившись, достала из своего антикостюма маленький пружинный нож, из которого после еле слышного щелчка выскочило узенькое лезвие.

— Кто вы такой, хорошенький мальчик-сундучок? — ласково спросила она.

Узенькое жало спринг-найфа описало малую окружность вокруг носа нашего пионера. Бандиты окружили Геннадия.

— А вы спросите у сеньора Сиракузерса, — спокойно и весело ответил мальчик.

— Эй! — крикнула Буба через плечо. — Эй, ты, мешок с паштетом, кто этот чудо-бой?

— Ах, вам не понять этого, господа, — всхлипнул погруженный в свои воспоминания Сиракузерс. — Кто из вас помнит удар по бирже крупного рогатого скота в Буффало-спринге ранней весной тридцать девятого года? Для вас это история, а для меня — запах сирени, легкий ветерок...

— Я секретарь-машинистка сеньора Сиракузерса, — сказал Гена. — Он диктует, я пишу. Бандиты захохотали.

— Толково! Каков старичок! Секретаря в багаже возит!

— Экономия на билетах, — пояснил Гена.

Сиракузерс расплакался.

— Чем богаче человек, тем жаднее, — сказал с пониманием матерый Эль-Гриди. — Ух, эксплуататор!

— Этот мальчишка действительно ваш секретарь? — прошипела авантюристка.

— Увы, — сказал Сиракузерс. — Вы не ошиблись, баронесса, этот юноша — мой секретарь еще со времен двенадцатых Олимпийских игр.

— Тогда, — Буба Флауэр повернулась к Генне, — господин секретарь, извольте достать из того чемодана, где вы прятались от авиакомпаний, тот предмет, который мы ищем.

— А, этот сундучок, в котором что-то стучит? — с деланным равнодушием спросил Геннадий.

— Этот, этот! — радостно взревели преступники.

— Это тот самый сундучок, который ваш представитель купил, вернее, украл у какого-то старого чудака в каком-то северном городе, вроде бы в Ленинграде, для моего хозяина и в котором что-то постукивает? — невинно спросил Гена.

— Да! Да! — завопили бандиты. Их начала бить сильная нервная дрожь.

— Он там на самом дне, под бельем школьного периода, — небрежно сказал Гена. — Лезьте сами, ребята!

Сказав это, он молниеносным приемом само швырнул на бетон авантюристку Бубу Флауэр и завладел ее оружием — пружинным ножом.

Все было рассчитано точно. Бандиты, охваченные ажитацией, даже не заметили нападения на свою атаманшу. Они все скопом бросились к № 7 и ринулись внутрь, выбрасывая какие-то истлевшие боа, шляпы, шлепанцы и тому подобное. Геннадий же со спринг-найфом бросился в другую сторону. В мгновение ока он перерезал пути и освободил экипаж «ЯКа-40» компании «Грин» — трех пилотов и двух стюардесс.

— Хватайте оружие, ребята! — крикнул он им. — Без команды не стрелять!

Буба Флауэр немедленно подняла руки вверх, как только увидела направленные на нее автоматы. И кокетливо улыбнулась: я, дескать, здесь просто купальщица, просто прелестная незнакомка, обычная звезда экрана, не более того...

Из № 7 полетело наконец белье школьного периода и послышался жуткий вой десятка глоток:

— Ничего! Там нет ничего!

Бандиты обернулись и тут же подняли руки вверх. Экипаж зурбаганского аэро оказался людьми не робкого десятка. Даже стюардессы сжимали в своих руках оружие, как настоящие солдаты.

Быть может, не все наши уважаемые читатели знают одну непреложную истину: бандиты трусливы. Теперь пусть знают все: бандиты храбры лишь при нападении на безоружных и не ожидающих нападения людей. При малейшем сопротивлении бандиты, блатари, всякая там шпана начинают немного трусить. Вот и сейчас еще недавно грозные «хай-джекеры» дрожали от страха, глядя на свои недавние жертвы. Меряя всех своей меркой, они ждали мести.

— А ну! — сказал Геннадий на своем безукоризненном английском. — Все полезайте в чемоданы!

Бандиты дважды себя упрашивать не заставили и мигом разместились в сиракузерских чемоданах, где поодиночке, а где и по двое.

— Давайте быстренько познакомимся, — предложил Гена своим соратникам и, как воспитанный мальчик, в первую очередь поклонился стюардессам. — Меня зовут Гена Страфонтон.

— Ой, неужели это вы?! — вскричали девушки. — Мы вас знаем, мы читали! Мы даже не мечтали познакомиться! Какое счастье!

— Однако простите! — вскричали они.

— Меня зовут Гала!

— А меня Акси!

— Гала и Акси! Очень приятно!

— Фил! — представился один пилот.

— Зит! — представился второй.

— Эсп! — отрекомендовался третий.

Быстро познакомившись, эти смелые люди закрыли все кофры Сиракузерса, защелкнули все застежки, затянули все ремни, а кое-где всунули задвижки из пальмовых ветвей.

— Bravo! — захохотал вдруг все еще неотвязанный Сиракузерс. — Кто это все устроил? Опять «Интернейшл миллионер сервис»? Молодцы! Все было, как в жизни, даже больно. Я был абсолютно убежден, что я в руках «ганга», до этого комического номера с чемоданами. Bravo, господа! Финал великолепный! Все счета будут оплачены по предъявлению.

Увы, сензор Сиракузерс, до финала было еще далеко. За пальмовой рошей послышались громкие голоса, резкий смех, шаги большой группы людей.

Гена сделал знак своему отряду и побежал к цветущему кустарнику, окаймлявшему летное поле. Фил, Зит, Эсп, Гала и Акси бросились за ним. Не успел маленький отряд укрыться в кустах, как большой отряд вышел из пальмовой роши на бетон. Теперь наступила очередь Генны открыть рот от изумления. Впереди отряда шла... она... женщина-чудовище мадам Накамура-Бранчкова, которая в конце предыдущей книги рухнула на своем самолете в воды Эмпирейского пролива и лопнула, как один из пузырей земли, о которых писал еще Великий Потрясающий Копьем.

в которой
принесится жертва
океанскому богу
Де Винду

— Отличная машина. Ах, какая великолепная машина, — приговаривал Юрий Игнатьевич, сидя за рулем «ЯКа-40». Старый авиатор явно наслаждался.

Мария Спиридоновна между тем тревожно смотрела на приборы и озирала по-прежнему синий и по-прежнему безжизненный простор.

— Юрий Игнатьевич, — проговорила она, — практически можно сказать, что у нас кончилось топливо. Мы летим на нуле.

— Да? Жаль! — легкомысленно реагировал на это сообщение Четверкин. Он улыбнулся. — А все-таки, дружище товарищ, я счастлив, что мне довелось сесть за руль реактивного аппарата!

— Юрий Игнатьевич, через пять минут мы начнем падать, — сказала бабушка Стратофонта.

— Зачем нам падать? Попробуем планировать. Мне кажется, что я смогу планировать на этой машине.

— Юрий Игнатьевич, ведь это вам не «фарман»!

Старик вдруг выключил двигатель. Мгновенная тишина. Крик ужаса в салоне. Самолет клюнул носом вниз, левое крыло задралось... и вдруг — как будто лошадей взяли в вожжи — нос приподнялся, крыло выровнялось, самолет плавно заскользил вниз, как лыжник по пологому склону.

Мария Спиридоновна посмотрела на пилота. Четверкин сидел, подавшись вперед, руки со вздувшимися жилами крепко держали руль, лицо обострилось, даже морщины как будто сгладились, он даже стариком в этот момент не выглядел, а был совсем молодым. Вот тут штурман бомбардировочной авиации М. С. Стратофонта понял, что пилота такого класса даже она никогда не встречала. Это был даже и не «класс», это было то, что в старину называли «божьей милостью».

Четверкин включил двигатели. Они заработали ровно, хотя и питались самыми последними каплями бензина.

— Видите? — не без мальчишеского бахвальства спросил авиатор.

— Что ж, — сказала бабушка Стратофонта, — на комплименты нет времени. Старайтесь протянуть подальше. Вам не кажется, что на горизонте что-то темнеет?

— Нет, не кажется, — сказал Четверкин. — Увы, не кажется, а у меня зрение стопроцентное, дружище товарищ.

— Что же получается? Будем садиться в море? — спросила стоявшая в рубке мама Элла.

— Есть другие предложения? — поинтересовался Четверкин.

— Других предложений нет, — сказал папа Эдуард. — Здесь, в воздухе, гораздо меньше вариантов, чем в горах. Надо раздать пассажирам спасательные жилеты.

— Правильное предложение, — одобрил Помпезов Грант Аветисович.

В самолетах, совершающих рейсы над океанами, в программу сервиса обязательно входит спасательный жилет для каждого пассажира. Они хранятся в маленьких контейнерах под креслами. Перед падением в океан всем

рекомендуется надеть спасательный жилет оранжевого цвета. Оказавшись в воде, вы держите шнурок, и сжатый воздух мгновенно заполняет ваш спасательный жилет и поддерживает вас на поверхности довольно продолжительное время. Это явление избавляет вас от чувства заброшенности, затерянности в необозримых водах океана. Пока жилет действует, вам все еще кажется, что авиакомпания обслуживает и опекает вас. Жилет может даже предоставить вам одноразовое питание в виде питательного тубика в специальном кармашке. Впрочем, если вы опытный человек, вы растянете тубик на три раза и таким образом выиграете время. Конструкторы жилета подумали и об акулах. Акул очень много в южных морях. Неистребимое любопытство — главное свойство этих тварей. При попадании в их среду постороннего тела (в данном случае это вы) акулы во множестве собираются вокруг вас и плавают рядом, сгорая от любопытства, но внешне как бы безучастные. Вы, бедняга, волнуетесь, видя плавники акул, хотя, возможно, акулы и не собираются вас жрать, а лишь удовлетворяют свое любопытство. Однако, волнуясь, дружище бедняга, не забывайте о «противоакуллине», которым снабжен ваш спасательный жилет. Вы держите другой шнурок, и в воды океана впрыскивается темная жидкость, которая почему-то очень неприятна акулам. Известно, что происходит с акулой, когда она сталкивается с «противоакуллином», то ли она чихает, то ли у нее что-то чешется, но только она уплывает, оскорбленная в лучших чувствах.

Пока не рассосется «противоакуллин», по крайней мере часов пять-шесть, вы можете чувствовать себя в полной безопасности, дружище бедняга. Постарайтесь извлечь максимум удовольствия из этих часов, качайтесь себе на волнах и вспоминайте яркие моменты своей жизни.

Так, или примерно так, утешала Даша Вертопрахова пассажиров, когда помогала им застегнуть на спине zipперы спасательных жилетов. Между тем сестра ее, знаменитая грация европейских помостов, утешала пассажиров своими упражнениями с лентой. Легкими скачками она проносилась по проходу между кресел, а однажды в результате маневров Юрия Игнатьевича в самолете на миг возникло состояние невесомости и грация из «Трудовых резервов» буквально проплыла над пассажирами, утешая их ангельским голосом:

— Не волнуйтесь, товарищи леди и джентльмены! Нет никакого сомнения, что пресса уже поставлена на ноги! Нас ищут!

Валентин же Брюквин неожиданно для всех взял на себя обязанности стюарда и утешал пассажиров ломтиками дивной ветчины, кусочками зернистой икры, корешками нежной спаржи и минеральной водой из запасов компании «Грин».

— Ю хэв ту ит сам дилишэс мил бифо бас (кончик языка между передними зубами!)

бат... батс... инг! — Что можно перевести примерно следующим образом: «Давайте малость подзаправимся перед купанием!»

Как видим, все наши герои проявляли удивительное самообладание перед лицом тяжелейших испытаний.

Между тем «ЯК-40», планируя, приближался к водной поверхности. Волнение в 2—3 балла, то есть привычное состояние океана, уже сделало бы невозможным посадку реактивного лайнера (хоть и маленького) в океан. Удар даже небольшой волны под крыло перевернул бы этот аппарат, отнюдь не приспособленный для морских путешествий.

На счастье, был совершенно необычный для этих широт штиль, и Юрий Игнатьевич мягко, почти без брызг, посадил машину на грудь великого океана. Теперь они чуть-чуть покачивались. Это все было к счастью, а вот, к несчастью, вокруг не было ничего: ни дымка, ни паруса, никакого намека на близость земли.

Из пилотской кабины вышел папа Эдуард, спокойный, почти веселый.

— Дамы и господа, друзья, товарищи! — обратился он к пассажирам, учитывая их разнородный состав и принадлежность к капиталистическим, социалистическим и развивающимся странам. — Нам придется покинуть самолет. Сейчас мы держимся на поверхности благодаря герметичности нашей машины и благо-

даря штилю. Однако при малейшем изменении погодных условий мы перевернемся. Вот такие дела, ребята. Главное, без паники. Мы находимся на пересечении главных грузовых трасс. Не пройдет и часа, как мы будем подобраны каким-либо коммерческим судном.

— Без сомнения, — добавил Грант Аветисович.

Ради сохранения спокойствия на борту, папа Эдуард, конечно, немного покривил душой. Они находились не на пересечении трасс, а наоборот — в некотором, а точнее — в недостижимом удалении от этих самых трасс, в безнадежно глухом углу океана.

Сестры Вертопраховы и Валентин Брюквин для поддержания духа среди пассажиров запели песенку «Антошка-Антошка, пойдем копать картошку».

Неожиданно их поддержали. Английский пастор запел веселую песенку Армстронга «Когда святые идут в рай». Чех завел песню из фильма «Старики на уборке хмеля». Индус что-то из репертуара Раджа Капура... Все нации доказали способность к испытаниям.

Открыли люк. Ласковый океан колыхался в полуметре от люка, а однажды даже лизнул подошвы папы Эдуарда и обдал его теплыми солеными брызгами.

— Друзья, а почему бы нам не соорудить импровизированный плот?! — вскричал Юрий

Игнатиевич Четверкин, который вообще чувствовал себя на вершине блаженства в связи с таким замечательным приключением, и единственное, о чем жалел, — об отсутствии своего юного дружищи Гены. — В самолете есть множество предметов для сооружения импровизированного плота! Эх, жаль, дружищи товарищи по несчастью, жаль, что отсутствует наш милый Гена с его острым умом!

Вдруг! Какое, правда, чудное взрывное слово «вдруг» и как бы без него обошлись мы, писатели приключенческих писаний! Вдруг в необозримом океане, в слепящем медном сиянии закатного уже солнца, появилась черная отчетливая точка.

— Уж не Генаша ли? — подумали бабушка, мама и папа. — Момент подходящий для его появления.

Все пассажиры заметили точку и теперь следили за ней с надеждой и тревогой. Точка быстро росла, она по огненно-медной дорожке неслась к ним, прямо к ним, да, она направлялась прямо к свешену в океан самолету.

Вскоре уже можно было разглядеть стремительные контуры полинезийского каноэ, с противовесом по правому борту, и тонкую фигуру с веслом, стоящую на корме.

Прошло еще несколько минут, и каноэ приблизилось к самолету. Бесстрашный мореплаватель оказался высоким сухощавым челове-

ком с гривой седых волос и молодецки подкрученными усами. Одет он был довольно странно для путешествия на каноэ через океан. Туалет его составляли наряду с яркими плавками солидная сорочка, какую обычно надевают под пиджак, и строгий английский галстук с диагоналями. Под седыми волосами и коричневым лбом на плоском полинезийском носу сидели профессорские очки.

Итак верхняя половина незнакомца выглядела чрезвычайно rispetектабельно, интеллектуально, нижняя же половина с ее босыми и острыми в сааинах и кровоподтеках коленками выглядела чрезвычайно нереспектабельно, обычная нижняя половина обычного тела обычного полинезийского рыбака.

— Бон суар, медам и месье, — сказал незнакомец на понятном французском. — Я видел, как вы сажались в океан. Разрешите засвидетельствовать уважение вашему экипажу. Не могу скрыть своей радости, видя вас всех в добром здравии. Добро пожаловать, господа!

— Кто вы? — вскричали все присутствующие на борту «ЯКа-40».

— Простите, что сразу не представился, — чуть поклонился незнакомец и тут же перестал быть «незнакомцем». — Я вождь племени Фуруруа с атолла Чуруруа. Мое личное имя Фуруруа Чуруруа. К вашим услугам.

Молниеносная догадка мелькнула в головах всех присутствующих ленинградцев.

— Да вы, должно быть, знаете Цитронского Льва Степановича с улицы Рубинштейна! — воскликнула на родном языке Наташа Вертопрахова.

— Боже ж ты мой! — вскричал по-русски Фуруура Чуруура. — Лев Степанович уже много лет мой лучший заочный друг! Позвольте, позвольте... Прошу не удивляться, если я упаду сейчас в обморок. Уж не имею ли я дело с соседями Льва Степановича господами Страфонтонowymi?

— Не падайте в обморок, месье Фуруура Чуруура, это мы! — сказал папа Эдуард, спрыгнул из самолета в каное и поддержал интеллигентного вождя, который все-таки немножко упал в обморок.

Все ликовали: значит, рядом где-то лежит атолл, значит, они спасены! Оказалось — ликование преждевременное: до атолла было не менее 250 километров.

Оказалось, что Фуруура Чуруура совершает путешествие со своего атолла, где жило его племя (или, если угодно, семья) в количестве 87 человек, на другой атолл, у которого даже и имени не было и который значился в логиях под обозначением Г.Ф.-39 и где жило племя в количестве одного человека. Оказалось, что вождь покрыл уже около двух третей пути, но и до атолла Г.Ф.-39, по его соображениям, было отсюда не менее 120 километров. Увы, рации в каное не было. Рация слишком тяжела для утлого суденышка. «Что ж, господа, не будем тогда терять времени зря и постараемся добраться до атолла Г.Ф.-39 своими средствами». Во всяком случае, благородный вождь гарантировал беднягам, что будет с ними до конца и в случае необходимости погибнет вместе.

Впереди двигалось каное с двумя гребцами, Фуруура Чуруура и папой Эдуардом. За ним на буксире тащился невероятный импровизированный плот, сооруженный из самолетных кресел, ящиков из-под кока-колы и опустошенных чемоданов. На плоту сидели женщины и дети. Сильные пловцы-мужчины во главе, конечно, с Валентином Брюкиным помогали гребцам буксировать это странное сооружение.

Фуруура Чуруура уколошил веслом солидную рыбу и принес ее в жертву богу погоды Де-Винду, и тот в лице одного из равнодушных альбатросов тут же эту рыбу пожрал. Фуруура Чуруура повеселел: если Де-Винду будет снисходительным, предприятие имеет несколько шансов на успех.

— Что все это значит? — зловеще медленно проговорила мадам и повернула свой надменный подбородок к уже дрожащему в ожидании

стека Латтифудо. — Где сундучок, в котором что-то стучит? Где все мои люди? Где самолет? Я пристрелю тебя на месте, слабоумный Латтифудо!

Мадам была окружена по крайней мере двадцатью отборнейшими бандитами, среди которых Гена увидел немало своих прошлогодних знакомых: здесь были и полковник Мизераблес, и сержант Пабст, и Бүллит, и Грумло... Да, видно, стены эмпирейской тюрьмы оказались недостаточно крепкими для этого сброда.

Какой странной властью обладала мадам Н.-Б. над этими подонками рода человеческого. По одному ее слову они готовы были броситься и растерзать любого. Сейчас они были готовы броситься и растерзать Латтифудо.

— Любимая, прелестная, величественная! — воскликнул Латтифудо, падая на колени и простирая руки (ну просто персонаж античной трагедии!). — Самолетик, увы, улетел по вине нашей Бубочки, Бубочки Флауэр... увы... Наши людишки здесь, здесь, куда же им деться? Может быть, просто погулять пошли? А сундучок — он оставался в седьмом номере. Там!

Буллит и Грумло подскочили к седьмому номеру, сбили с него замки и извлекли на свет божий еле живую от страха супердиву Бубу Флауэр. К коленопреклоненному мужчине прибавилась коленопреклоненная дама.

— Любимая, прелестная, величественная! — трагически возопила она. — Мы попали в ловушку! Сундучка нет нигде! Ловкий несовершеннолетний авантюрист посадил нас всех в чемоданы и скрылся!

Оживший монстр в женском облике испустил нечеловеческий вопль. Забыв о коленопреклоненных, мадам совершила прыжок в сторону. Прыжок, достойный молуккской пантеры, и вплотную приблизилась к хохотавшему что есть мочи Сиракузерсу.

— Ой! — закричал он. — Пощадите! Я его где-то забыл! Я где-то потерял сундучок, в котором что-то стучит!

— Сколько извилил шевелится в твоём мозгу? Ты хуже самого старого вола из твоих бесчисленных стад! — кричала, теперь уже без всякого «демонизма», а совсем как рыночная торговка, мадам и совала свой пистолетик в огромную перезрелую клубнику, то есть в нос господина Сиракузерса. — Издичная аристократка, вместо того чтобы наслаждаться искусством и цветами, звала на свои хрупкие плечи всю тяжесть операции «Сундучок». Она рядилась в несвойственные ей личины агента «И-М-С», старика-антиквара, дворничихи в большевистском Петрограде! Каким опасностям подвергалось нежное существо, отпрыск древней французской фамилии! Весь гениальный план: высадка на Г.Ф.-39, обман мультимиллионера, проникновение в Россию, подсовывание сундучка в багаж мультимиллионера, захват зурбаганского лайнера — все рухнуло! Сподвижники, товарищи мои, борцы за великую океанскую идею, мы так же далеки от кассиопейских сокровищ, как в самом

начале нашего пути! Плачьте, сподвижники! — рывкнула она и, только убедившись, что все плачут, снова запричитала. — Что нам осталось теперь, милые мученики идеи? Жалкие мультимиллионы этого ничтожества?

— Да, жалкие мультимиллионы, — радостно зарыдали «борцы-сподвижники».

— Все мои жалкие мультимиллионы — ваши, — торопливо сказал Сиракузерс. — Только, умоляю, мадам, больше не надо...

— Мало! — рывкнула Н.-Б. и снова застена-ла, словно Дездемона. — Ваша любимая, преле-стная, величественная прошла сквозь такие тернии! Ей пришлось надеть на себя маску туриста! Ей пришлось, для того чтобы завла-деть кассиопейской флейточкой, обезобразить свое милое личико седыми усами, а свою преле-стную фигуру скрыть под черной дурацкой крылаткой! Ей пришлось укукошить какое-то несовершеннолетнее существо... — вдруг она загнулась и медленно повернулась к колено-преклоненной Бубе Флауэр. — Встань! Ты го-ворила что-то о несовершеннолетнем?

Внезапно в идиллический шум прибоя и ро-кот палм под крепким теплым ветром впле-лся какой-то посторонний звук. Все повернули головы и увидели, что из-за вершины остров-ной горы вылетел и стал быстро приближаться к ним военный вертолет «Хьюи», явно куп-ленный по дешевке на сайгонской толкучке, по-сле того как огромная американская экспеди-ционная армия убралась восвояси.

Бандиты взяли оружие наизготовку и плот-ным кольцом окружили вертолет, который сел на бетон, взвихрив своими винтами некоторые легкие «редликты памяти».

— Лестер Тиу-Чан! — вскричала Буба Флауэр, когда из вертолета выскочил тот са-мый плейбой-блондин, что так позорно путеше-вался перед Геннадием в парижском аэропор-ту Орли. — Величественная, разрешите мне пристрелить этого труса?

— Любимая, прелестная! — вскричал Лес-тер Тиу-Чан и шмякнулся ничком на бетон в ноги мадам Н.-Б. — Величественная! Твой вер-ный сподвижник у твоих ног! Признаюсь, я не смог прилететь вовремя в Зурбаган из-за своей слабости. Мадам, вы знаете меня по Гонконгу, по Макао, по Борнео, по Эмпиреям и Г.Ф.-39, вы знаете, что Лестер Тиу-Чан нигде не празд-новал труса. Мадам, в Орли я был потрясен. Мадам, я увидел среди пассажиров, летящих в Зурбаган, нашего страшного врага, того бе-сенка, с которым когда-то вместе тренировал-ся под командой Дика Бугги (хорошего огонь-ку под его сговоркой!), с которым мы выса-дились на Эмпиреях и который нас всех тогда погубил, — я увидел, мадам, Джина Стрет-фонда собственной персоной!

— Это он! — завопила Буба Флауэр. — Он освобил пилотов, засадил нас в чемоданы и скрылся! Он не мог далеко уйти!

Все бандиты повернулись к Накамуре-Бранч-ковской в ожидании приказа. Женщина-чудо-вище кусала пунцовые губы.

— Злой гений моей судьбы, — медленно проговорила она. — Джин Стретфонд, отняв-ший у меня Корону Больших Эмпиреев!

— Бейте в бензобак, ребята, — тихо скоман-довал Гена Эспу, Зиту, Гале и Акси. — Огонь!

Шесть струй свинца прошли тропические за-росли и ударили в борт вертолета. Мгновенье спустя взорвался бензобак. Огненное облако поднялось в небо. Клубы дыма повалили от го-рящей машины и скрыли из глаз мечущиеся фигуры бандитов.

— Отступаем в гору! — скомандовал Гена, и они, все шестеро, пустились бежать по тропин-ке вверх, туда, где на фоне красного заката, словно силуэт сказочного замка, вырисовыва-лась скалистая вершина острова.

Любитель сочных деликатных рыб океанский бог Де-Винду оказался милостив. Стоял штиль, и странный караван беспрепятственно двигал-ся всю ночь в фосфоресцирующих водах. Плов-цы и гребцы-буksировщики сменяли друг дру-га. Между прочим, когда в коренники вышла бабушка Мария Спиридоновна, скорость кара-вана резко возросла, что вызвало среди жертв веселое оживление.

Стихия была настолько ласкова и добра к на-шим жертвам, что даже и стихией-то не каза-лась, а казалась какой-то уютной и милой сре-дой обитания. Быть может, потому так вела себя стихия, что наши жертвы даже и не каза-лись ей жертвами, а просто какой-то симпатич-ной компанией чудачков-весельчаков. Все жерт-вы, представители разных наций, вели себя претотменно, подбадривали друг друга доброй, порой ядреной шуткой, смехом, брызгами, раз-говором. Компанийка хиппи подбадривала му-зыкой: трельями тибетской флейты, звоном лон-донских колокольчиков. Помпезов Грант Авети-сович подбадривал всех чтением на память фи-лософских книг — Гегеля, Фейербаха... Что касается маленьких детишек — китайчонка, та-тарчонка, мальгашонка, австрийчонка и мао-ри, то они были просто счастливы. Они весели-лись вовсю.

Знаете ли вы океанскую ночь? Да кто же нынче не знает океанской ночи. Нет, наверное, на земле ни одного человека, который бы хоть раз не видел ее в кино, и вам, многоуважаемый современный читатель, не нужны никакие по-дробные описания. Океанская ночь, говорит ав-тор. И вы сразу же представляете себе светя-щуюся тяжелую мглу необозримой влаги и над ней черную прозрачность необозримого не-ба, где полыхают Южный Крест и Лебедь, Орион и Скорпион и где нынче деловито про-бираются сквозь звездную толчею искусствен-ные звезды — спутники, военные и штатские.

«Ах, — подумала в эту звездную океанскую ночь Наталья Вертопрахова, отдыхая на плоту и глядя в небо с непонятным волнением. — Ах, мне кого-то не хватает в эту ночь, то ли роди-

телей, то ли тренера, то ли этого несносного заносчивого одноклассника, воображавшего, что быт героем приключенческих книг гораздо заманчивее, чем чемпионом по художественной гимнастике. Ах, — подумала она, — все это шутки переходного возраста, и, как бы сказал присутствующий, но молчащий Брюквин, — «Нюу комментс...»

Так они плыли и старались не думать о том, что под ними несколько километров водной толщи, населенной неведомыми существами. На рассвете, когда часть жертв частично выбилась из сил и отчасти почувствовала себя и в самом деле жертвами, вожатый каравана Фуруруа Чуруруа испустил торжествующий вопль. Ни европейцы, ни американцы, ни азиаты, ни австралийцы, ни африканцы еще не видели на горизонте никаких признаков земли, но Ф. Чуруруа своей чуткой кожей полинезийца уже почувствовал близость атолла Г.Ф.-39.

И впрямь через несколько часов в лучах восходящего солнца предстал взору наших жертв крохотный клочок суши, окаймленный неизменным океанским ожерельем — белоснежной стеной мощного прибоя. Теперь предстояло собрать последние силы и преодолеть стену прибоя, не растеряв по дороге женщин, хиппи и детей.

Глава VII,
в которой
говорится о том,
как неведомо иметь
многодетных друзей

Маленький отряд во главе с тем, кого так не хватало кое-кому на импровизированном плоту, то есть во главе с Геной Стратофонтон-ым, отступал по звериным тропам сквозь джунгли неведомого острова в горы, то есть к вершине единственной на этом острове, но довольно крутой горы.

Сначала бандиты шли по пятам. Смельчаки слышали даже их хриплые голоса, не говоря уже о беспорядочных выстрелах в темноту. Потом выстрелы смолкли и голоса отстали. Бандиты, видимо, решили отложить охоту на завтра: ведь все равно с острова уйти никуда нельзя. Остров был естественной ловушкой.

Прошло еще несколько часов, прежде чем отряд достиг вершины — окруженного скалами маленького плоскогорья, похожего на естественную крепостную башню и очень удобного для укрытия и обороны и покрытого к тому же мягким упругим мхом.

— Подождем рассвета, — предложил Гена. — Отсюда мы увидим весь остров и окружающее пространство.

Патрулировать первым выпало Филу, и Геннадий растаянул на мягком пушистом мху. Он хотел было взвесить и оценить все события истекшего дня, но отвлекся от событий и попал во власть какого-то странного ощущения. Над ним распростерло огромные ветви некое могучее дерево. Оно гудело под океанским ветром и кипело пышной листвой с какой-то особенной доброй силой, и сквозь листья этого дерева просвечивало созвездие Кассиопеи. Все это вместе — гуд дерева, и кипенье его листвы, и мигающие огоньки созвездия — словно бы говорило Геннадью:

— Спи, мой мальчик! Не взвешивай и не оценивай событий. Ты устал, завтра разберемся.

...Когда он открыл глаза, то увидел над собой молодого леопарда. Шерсть красивого зверя золотистая зоря, поднимающаяся из океана, — «розовоперстая Эос», как называли ее когда-то древние греки. Леопард лежал на нижней ветви могучего дерева и дружелюбно смотрел на мальчика. Могучее дерево своими бесчисленными ярусами уходило в небо, и вершины его не было видно.

Гена встал, потянулся, подпрыгнул и покачался немного на нижней ветви могучего дерева. Леопард одобрительно помахал хвостом. Гена увидел на фоне утренней зари красивый силуэт стюардессы Акси. Она сидела на скале, положив на колени автомат, а рядом с ней лежал, свернувшись калачиком, впрочем, скорее не калачиком, а здоровенным калачом, еще один молодой леопард.

— Какие милые животные, — подумал Гена. — И какое удивительное дружелюбие! Наверное, они думают, что мы тоже леопарды, только другой породы.

Он взобрался на одну из скал, окружавших лужайку, подошел к самому краю (внизу была пропасть) и огляделся. С этой огромной высоты он увидел сквозь розовую дымку на юго-западе очертания еще одного острова, а на северо-востоке были отчетливо видны крутые берега третьего. Неожиданно Гену озарила догадка: да ведь это не что иное, как цепочка маленьких Эмпирейских островов, тот самый хвостик той самой грейт-эмпирейской запятой! Мы на архипелаге! Ура! Это меняет дело! Шансы на спасение увеличиваются. Должно быть, мы находимся на острове Билип, или на Фухсе, или на Фео... Да, конечно, это остров Фео: ведь именно он славится самой высокой горой на всем архипелаге. Остров Фео!

Гена спрыгнул со скалы и зашагал по пружинящему мху лужайки. Товарищи его — экипаж зурбаганского «ЯКа» — безмятежно спали, раскинувшись под гигантским деревом. Похоже было на то, что и часовой Акси, чей силуэт так красиво выделялся на фоне зари, тоже безмятежно спала. Это было бы опасно, если бы Гена не знал нравы своих врагов. Бандиты, окружившие гору, безусловно тоже дрыхнут после обязательной вечерней пьянки.

Похоже, что бодрствуют на всем острове только трое: он сам — Гена, симпатичный леопард на ветке гигантского дерева и само это гордое дерево неизвестной породы, которое, наверное, не спит никогда.

Гена подошел к столу, не уступающему по объему космической ракете, прислонился к нему и вздрогнул от изумления. Ствол дерева был теплый!

Тепло шло изнутри, словно там внутри по всем капиллярам и крупным сосудам шла горячая кровь.

Читатель, конечно, уже догадался, что сделал наш герой в следующий момент. Конечно, Гена прижался к горячему дереву ухом и, конечно, услышал там изнутри взволнованный стук, гулко несущийся сквозь деревянную массу и улетавший как бы в трубу.

— Дерево «пульс»! — закричал мальчик так громко, что все проснулись, даже очаровательный часовой, а леопард спрыгнул с ветви и посмотрел на Гену удивительными глазами.

— Простите, я хотел сказать — это дерево «супль»! — взволнованно объяснил Гена и задумчиво пробормотал: — Что за странная оговорка...

Прибой близ атолла Г.Ф.-39, естественно, разметал импровизированный плот на кусочки и теперь выбрасывал на пляж с регулярностью автомата то кресло, то ящик, то чемодан, а то и человека. Бессмысленно было бороться с этой пенной стеной, да и незачем было бороться. Прибой не

знал разницы между одушевленными и неодушевленными предметами. Он просто закручивал предмет в своих водоворотах, а потом выбрасывал его на уже горячий от солнца пляж.

В конце концов полуживые, в обрывках одежды пассажиры сползли все вместе под высокой кокосовой пальмой. Они лежали на песке, пытались отдышаться и выплунуть излишки соленой воды, попавшей в их организмы при пересечении полосы прибоя. Однако не прошло и десяти минут, как они отдышались, выплунули излишки и попытались — ох, человеки, неумейные существа! — сориентироваться в пространстве.

Атолл Г.Ф.-39 был крохотным кольцом суши вокруг небольшой мелкой лагуны, где важно и безучастно прогуливалось несколько заблудших фламинго. Десятка два-три кокосовых пальм раскачивалось в потоках пассата. В северо-западной части атолла был небольшой зеленый холм, оттуда, с этого холма, спустилась человеческая фигура и медленно двинулась волеплательно белому пляжу к нашим жертвам.

Мсье Фурура Чурура взгляделся в эту фигуру и сделал сообщение.

— Мадам и мсье, к нам приближается население атолла Г.Ф.-39, а именно господин Герман Фогель, к которому я и направлялся на своем стремительном каноэ.

Надо сказать, что вождь перепрыгнул через прибор на своем каноэ без особого труда. Беспомянутое кувыряние в пенных водоворотах остальных мужчин каравана порядком удивило его, но он ничем не показал своего удивления, а тем более насмешки. Вождь был человеком образованным и широким, и он, конечно, понимал, что жители Лондона, Парижа и Ленинграда не встречаются в своей повседневной жизни с такими сильными приборами.

— Дело в том, господа, — продолжал он, — что некоторое время назад Герман Фогель, известный в прошлом радиолобитель, послал в эфир тревожную радиограмму, адресованную известному и уважаемому в кругах коротковолнников Геннадию Стратофонову, то есть вашему внуку, мадам Мария Спиридоновна, вашему сыну, мадам Элла и мсье Эдуард, вашему другу мсье Четверкин, мадемуазель Даша и Наташа и шевалье Брюквин Валентин. Однако сигналы с атолла Г.Ф.-39 были очень слабыми (предполагаю, что сели аккумуляторы), и уважаемый Геннадий был поставлен в тупик.

У каждого из нас, коротковолнников, господа, есть свои друзья по эфиру, и очень часто эти круги соприкасаются. Так, на счастье, заочный друг уважаемого Геннадия уважаемый Мик Джеггер, почталъон с Фольклендских островов, оказался и моим заочным другом. Я пустил в ход других своих заочных друзей, включая вашего соседа, уважаемого Цитронского Льва Степановича, принес жертву радиобогам Мегахерцу... ну, не будем уточнять, ну, пару кур, корзину рыбы, ну, кое-что еще... Короче говоря, господа, Мегахерцу оказался милостив, и мне удалось почти точно установить, что таин-

ственные размытые сигналы идут от Германа Фогеля, с атолла Г.Ф.-39. Увы, сигналы отсюда больше не повторились, и мне пришлось выйти в море на каноэ. Впрочем, я рад, что встретился с вами и мы можем все вместе разделить радость встречи с Германом Фогелем, который сейчас приближается к нам.

К нам приближался гигант непонятной расы и непонятного возраста. Мускулистые бронзовые плечи и мускулистые черноватые ноги несли на себе обрывки одежды, которая, возможно, была когда-то сукном цвета хаки, но, возможно, и батистом цвета «нерванше». Длинные спутанные пегие волосы ниспадали на плечи, длинная пегая борода была заткнута за пояс, цвета глаз нельзя было различить из-за нависших пегих бровей. Приблизившись на расстояние двадцати метров, гигант вынул из сумы две гранаты, поднял их над головой и прокричал на каком-то немислимом языке, в котором клокотали русские, немецкие, французские слова, а также звуки моря, скрип пальм и вой ветра:

— Если вы не гутентаген, а геген мир...у-у-у-скр-трск...нихт добро по-ж-жа-а-шдлмр-ло-о-о-о-о-вать... шерше дize папир... их буду вас эсплoз-з-з...тр-тр-р...их!

Смысл приветствия, кажется, был ясен всем присутствующим.

— Если вы пришли сюда с дурными намерениями, я взорву вас на месте!

В подкрепление своих слов гигант выразительно помахал своими ржавыми гранатами.

Воцарилось смущенное молчание, и вдруг Четверкин Юрий Игнатьевич, резво вскочив на свои легкие ноги, устремился к гиганту с распростертыми объятиями.

— Шер ам! Обер-лейтенант Герман Фогель, елки точечные! Ей-ей, милостивые государи, через пятьдесят девять лет приятно встретить даже бывшего врага! Вы помните, обер-лейтенант, как я сбил ваш «альбатрос» в 1915 году в трех верстах к северу от Перемышля? И зашел к вам в хвост на своем «нюпор» и швырнул в ваш аппарат целый тюк горячей пепла!

— Доннерветтер! Поручик Четверкин? — взревел гигант, — выронил свои гранаты и заключил бывшего неприятеля в объятия. — Кр-р-р-ш-ш-т, у-у-у-з-з-з, — сказал он. — Ун-зер камф был жуткий шрекхих... Ду бист в-з-з-з-ы-ы...

— Ах, елки точечные! — Юрий Игнатьевич стукнул Германа Фогеля по спине. — Позволь тебе представить моих друзей, семейство Стратофоновых!

Вдруг все увидели, какого цвета глаза гиганта. Яркие синие зрачки, казалось, выскочили из-под нависших бровей и остановились в священном ужасе. Он смотрел на семейство Стратофоновых, словно на ожившие тотемы. Он рухнул перед ними ниц и простер руки, словно дикарь перед алтарем. Он, должно быть, и впрямь считал богами наших милых Стратофоновых.

— Стратофонтовы! Натюрлихе фамилиен...
гр-р-р... россен! Глюклих! Бонжур! Щ-щ-щ-
ась-ть-ть-ть-е!

Немало труда стоило успокоить гиганта, внушить ему, что ничего невероятного не произошло, что Стратофонтовы — вовсе не миф, не гипербола, а самые обыкновенные милостивые люди. Решающую роль в этом деле сыграла баночка растворимого кофе, которую хлопотливый океан как раз подкатил к ногам компании. Мама Эллы быстро вскипятила на непромокаемой зажигалке мужа банку воды и предложила икающему гиганту этот самый распространенный напиток современной цивилизации — «нес-кафе». Напиток произвел на Германа Фогеля чрезвычайно сильное и приятное впечатление. Он успокоился, улыбнулся и начал свой рассказ.

Окончание следует

Сундучок,

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА
БЕЗ ВОЛШЕБСТВА,
НО С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

Рисунки М. Беломлинского

Рассказ бывшего обер-лейтенанта германской императорской авиации, а ныне представителя коренного населения атолла ГФ-39 Германа Николаевича Фогеля

В конце лета 1914 года молодой сорокалетний российский подданный Герман Николаевич Фогель-Кукушкин лечил невралгию на купаниях в Баден-Бадене, когда разразилась первая империалистическая война. Герман Николаевич был интернирован германскими властями. Власти насильственным путем лишили его русской половины фамилии, объявили немцем, засадили за руль «альбатроса» и приказали: — Фогель, летай!

«Альбатрос» решил все дело. Молодой человек был весьма увлечен этим новеньким летательным аппаратом и дал себя вовлечь в братоубийственную войну. Конечно, в русские войска Герман Николаевич не стрелял, а просто себе летал на своей мощной машине и бомбы сбрасывал в облюбованное им болото в трех верстах к северу от Перемышля. Как вдруг за ним стал гоняться русский летчик, по сведениям разведки, поручик Четверкин. Герман

Николаевич был вспыльчивый сорокалетний молодой человек, и его раздражало, что ему мешают летать. Сначала они только грозили друг другу кулаками, а потом стали садиться друг другу на хвосты, и вот однажды хитроумный Четверкин швырнул в Германа туюк горящей пакли.

Оказавшись в болоте, Фогель было уже обрадовался возвращению на родину, как вдруг германская армия начала наступление и вытащила его из болота. Он был награжден серебряным крестом и отправлен на Западный фронт. Здесь он однажды стал свидетелем газовой атаки. Зрелище человеческих страданий настолько глубоко поразило Германа Фогеля, что он решил раз и навсегда порвать все связи с цивилизацией, которая, по его наивному размышлению, была виновницей этих кошмаров. Он дезертировал из армии и пробрался в Аргентину, оттуда — в Чили, из Чили — в Перу и, наконец, в Перу он попросил капитана китобойца найти ему в океане необитаемый атолл, чтобы там он мог встретить закат своей жизни. Он думал о закате жизни, потому что сразу после газовой атаки превратился из молодого сорокалетнего человека в пожилого сорокалетнего человека.

Закат его жизни, как видим, значительно растанулся. Китобоец высадил его на этом никому неизвестном атолле в середине 17-го года, и годы потекли, как мелкие волны в лагуне, когда за рифовым кольцом бушует шторм. Он потерял им счет. Ничто уже не связывало его с современной цивилизацией. Больше двадцати лет он вообще не видел ни одного цивилизованного человека, но однажды, как потом выяснилось, в октябре 1939 года, рядом с атоллом вынырнула из глубин японская подводная лодка. С лодки высадились моряки и взялись устраивать на атолле что-то военное. Тогда и появилось в лощих обозначение «атолл ГФ-39», но никто не знал, что это инициалы отшельника. Моряки построили на атолле радиостанцию и начали было уже скучать и отрываться от цивилизации наподобие коренного населения, т. е. Германа Фогеля, как вдруг — неизвестно, сколько времени прошло — горизонт стал раскалываться военными сполохами, и в этих багровых просветах стали появляться силуэты боевых кораблей. Прошло еще какое-то время, и однажды ночью моряки покинули атолл и оставили свою рацию Герману Фогелю. Перед уходом они долго втолковывали ему, что он — их ближайший союзник в нынешней войне, но Фогель настолько оторвался от цивилизации, что не очень их понял.

Рацией, однако, он начал пользоваться, вначале только чтобы слушать музыку, а потом стал членом международного клуба коротковолновиков. Фогель проводил последующую череду лет по-прежнему в полном одиночестве, но теперь он все же был в курсе мировых событий жизни всего остального человечества. Конечно, у него были весьма своеобразные представления о новых явлениях современного ми-

Окончание. См. «Костер» №№ 1—3, 1975 г.

ра. Как слепой с рождения человек по-своему представляет себе всякий предмет, о котором слышит, так и одинокий островитянин по-своему представлял себе такие явления современной жизни, как например, «освоение космического пространства» или танец твист. К тому же аккумуляторы радиостанции начали «садиться» и связь с внешним миром вновь начала слабеть, о чем, надо сказать, Герман Фогель далеко не всегда жалел.

И вот недавно одно из явлений современного мира явилось на атолл ГФ-39 и продемонстрировало себя во всем великолепии. Это было далеко не лучшее явление и имя ему — «мафия».

Их было человек десять. Они выпрыгнули из вертолета и пошли к Фогелю, побрякивая своими брелоками, браслетами, талисманами, пистолетами, наручниками, кастетами, кинжалами, подметая пляж клешнями немислимой расцветки и поблескивая своими золотыми зубами и солнечными очками. Впереди шла женщина редкой красоты.

— Фогель? — коротко спросила она, и тут же гигант-островитянин потерял сознание.

Очнувшись он связанный на полу своей хижины. Мафиози набросились на него с вопросами о каком-то сундучке, в котором что-то стучит, и о флейточке из дерева «сульп». Он ничего не понимал и, стиснув зубы, переносил мучения.

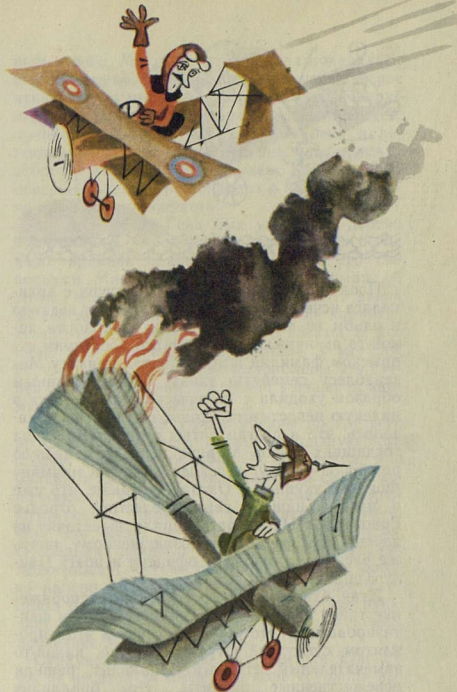
Наконец, они отшвырнули его в угол и перестали обращать внимание. Один из бандитов прикинул к стене карту мира и поставил крестик прямо в середине океана, там, где предполагался необозначенный атолл ГФ-39. На карте уже было несколько крестиков — в Европе, Северной Америке и на острове Маврикий.

— Итак, с Фогелями покончено, — жестким голосом сказала женщина редкой красоты, — остался один Кукушкин. Сундучок, безусловно, находится здесь!

И она своим до странности неприятным пальцем ткнула в родину Германа Николаевича Фогель-Кукушкина, в дельту реки Невы, в город Санкт-Петербург, нынешний Ленинград. Бандиты начали громко обсуждать свои планы, подкрепляясь колоссальными дозами виски и джина, выгруженных из вертолета. Скоро обсуждение планов стало напоминать настоящую вакханалию. Они не обращали никакого внимания на своего еще живого пленника. Герман Фогель понял, что он приговорен. Островитянин не особенно боялся перехода в мир иной. За долгие годы одиночества на атолле ему даже стало иногда казаться, что этот переход не принесет ему существенных изменений. У него уже сложилась психология первобытного человека. Сейчас он лежал связанный в углу хижины и слушал пьяные выкрики мафиози. Из этих выкриков постепенно сложилась для него картина преступления.

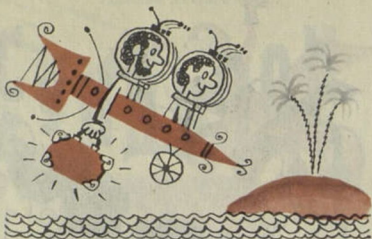
Вот как она сложилась в представлении измученного пленника.

На каком-то отдаленном архипелаге существовала легенда, что в незапамятные времена

там приземлился космический корабль из созвездия Кассиопеи. Кассиопейцы постепенно в течение веков одичали, но перед тем как одичать, они укрыли где-то на архипелаге свои сокровища, стоимость которых даже нельзя подсчитать земными цифрами.

Затем столетий эдак триста—пятьсот назад на архипелаг приплыл на своем катамаране прародитель Еон с тремя сыновьями — Мисом, Маком и Тефя. Хитрый прародитель подобрал ключи к кассиопейским сокровищам, но вместо того чтобы любезно оставить эти ключи нынешним бандитам, укрыв их в каком-то таинственном сундучке, внутри которого что-то всегда стучит. Сундучок был изготовлен Еоном из дерева «сульп», легендарного растения, которого никто никогда не видел, и открывался он только флейточкой из этого же легендарного растения. Сундучок и флейточка передавались потомками Еона из поколения в поколение и так докатились до XIX века, когда на архипелаг совершила набег пиратская эскадра адмирала Рокера Буги. Тогда разгорелась жуткая битва, решающее слово в которой сказал русский клипер «Безупречный», отогнавший пиратов от архипелага и потопивший их в просторах океана.

После этой роковой битвы сундучок с архипелага исчез, затихла и легенда. И вот недавно в одном из винных погребок Оук-Порта какой-то пьянчужка, оказавшийся последним отпрыском фамилии Еон, выболтал бандиту Мизераблусу семейную тайну. Тайна странным образом уходила с тропического архипелага в далекую непостижимо холодную Россию. Оказалось, что в разгар битвы с пиратами глава тогдашних Еонов Маркус передал семейную реликвию врачу русского клипера мичману Фогель-Кукушкину. Оказалось также, что уже в начале нашего века прелестное отродье Еонов юная Никовера подарила флейточку из дерева «сульп» своему возлюбленному, опять же русскому, молодому офицеру и поэту Павлу Конникову.

Итак, бандиты, заполучив в свое распоряжение тайну благородного семейства, стали фантазировать — что же там стучит в этом проклятом сундучке? Стучит, конечно, какой-то замечательный атомный бриллиант, решили невежественные бандиты. Этот бриллиант можно толкнуть в Лондоне или Нью-Йорке миллиончиков за десять и погужеваться в свое удовольствие «Вам лишь бы толкнуть и погужеваться», — сказала их предводительница, — а между тем, захватив невиданные космические сокровища, мы можем стать властелинами мира».

Эта дама редкой красоты и коварства собрала информацию и разработала план. Она выяснила, что фамилия Фогель-Кукушкиных распалась, что многие Фогели разлетелись по разным странам. Мафия пустилась на поиск ничего не подозревавших мирных Фогелей и отмечала косыми крестиками на карте следы своих преступлений. Последний крестик они поставили на атолле ГФ-39. Теперь они взяли на мушку ленинградского Кукушкина.

Герман Николаевич вдруг вспомнил дом своего двоюродного брата, четырехэтажный дом на Екатерининском канале возле мостика, который держал в зубах четыре льва с золотыми крыльями. Более того, он вспомнил портрет своего предка, флотского лекаря, висящий возле камина, и фоллиант его дневника. Более того, обострившаяся от переживаний и физических мучений память обнаружила в своих глубинах и маленький желтый сундучок с таинственной монограммой. ...Так вот, значит,

что! Значит, эти бандиты вышли на правильный след! Герман Николаевич стиснул зубы и дал себе слово помешать злодейским замыслам. Когда бандиты затихли, он перегрыз зубами свои путы, выполз из хижинки, добрался до оружейного склада, оставленного на атолле японскими моряками, и стал забрасывать свою хижину гранатами и обстреливать ее светящимися пулями из пулемета.

Началась великая паника. Бандиты оказались трусами. Они не приняли боя и, кое-как отстреливаясь, ринулись к своему вертолету. Фогель не успел подстрелить вертолет, бандиты скрылись.

Что делать? Как сообщить в Ленинград о грозящей опасности? Что там в этом сундучке — материальные или культурные ценности, — это неважно. Важно, что он стал целью мафии, а это повлечет за собой цепь преступлений.

Герман Фогель развернул свои таблицы. В них значились имена и позывные сотен радиолубителей, с которыми он собирался установить контакт, пока аккумуляторы его станции не выдохлись. Вскоре он нашел в таблицах нескольких ленинградцев и среди них ленинградского коротковолновика Геннадия Стратофонта.

Стратофонт! Это имя вспыхнуло, как молния, в ожившем от спячки мозгу островитянина. Да ведь это же потомок командира моего предка — капитана первого ранга Стратофонта, человека широких прогрессивных взгля-

дов. Он вспомнил даже эпизоды своего петербургского детства, и вспомнил, с каким уважением, если не благоговением, произносились за семейным столом фамилия Стратофоновых.

Герман Николаевич составил тогда радиограмму.

Он посылал эту радиограмму в эфир, пока не погасли последние огоньки в его радиин...

Члены экипажа зурбаганского лайнера и два молодых леопарда с удивлением следили за действиями юного мальчика, которого они уже успели узнать и полюбить.

Геннадий Стратофонов, весь во власти своей интуиции, стоял, прижавшись ухом к теплоту, чуть ли не горячему боку дерева «сульп», а пальцами правой руки держал свою левую руку за пульс. Губы его слегка шевелились, он явно считал. Пульс-сульп, пульс-сульп. Эврика! Счет пульса и счет ударов в глубине таинственного дерева совпадали! Это таин-

ным в небо. Могучие ветви и кора показались вдруг мальчику чем-то посторонним. Невероятная мысль мелькнула в его голове: а вдруг это дерево суть та самая ракета кассиопейцев, превратившаяся за бесчисленные века в легендарное дерево «сульп»? Гена улыбнулся и отбросил эту невероятную идею. Какие только невероятные идеи не приходят в голову в период переходного возраста!

В одном лишь Гена был уверен — дерево это помнило стародавние имена, может быть, даже времена прародителя Еона с его сыновьями Мисом, Маком и Тефя. Думая об этом, Гена вдруг обнаружил, что «идет» вверх по дереву. Именно идет, не лезет, не карабкается, а идет, потому что под его ногами не что иное, как ступени, выдолбленные в могучей коре. Когда? Когда были выдолблены эти ступени? Они напоминали ступени в пещерах кроманьонского человека.

Он поднялся по этим ступеням до третьего яруса ветвей и здесь увидел небольшую площадку, вроде бы балкон. Он вздрогнул: над балконом слабо вырисовывалась та самая монограмма, которая, по описаниям Юрия Игнатьевича, украшала таинственный сундучок. Это было утро молниеносных догадок. Очередная пронзила Геннадия: он разгадал монограмму! Читаем слева направо или справа налево — первое М — это Мис, далее идет ствол буквы Т и одновременно I — это означает Еон и его третий сын Тефя; и наконец, последнее М — Мак. Ура!

Сундучок — изделие прародителя Еона, и уж не из этой ли выемки в коре «сульпа» вырезал старый катамаранщик материал для своего изделия?

Гена чувствовал какой-то необычайный даже для него подъем интуиции и вдохновения. Итак, теперь уже ясно окончательно: сундучок с заключенными в нем ценностями, культурными или материальными, принадлежит архипелагу, а следовательно, и народу Больших Эмпиреев. И он будет возвращен народу, где бы ни забыл или ни припрятал его хитрюга или растяпа Сиракузер!

Однако, подумал мальчик и тут же вспомнил о флейточке. Как подсказывает ему его интуиция, без флейточки из дерева «сульп» не откроется сундучок из дерева «сульп», а

ственное дерево обладало таинственным свойством — это было дерево-резонатор! Так вот, значит, что стучит в глубине легендарного сундучка — собственный пульс человека, который прислоняет к нему свое ухо. Пульс, усиленный особыми резонаторными свойствами деревянной ткани! Гена обошел дерево вокруг. Пожалуй, прогулка вокруг основания Останкинской телевизионной башни заняла бы не намного больше времени. Он еще раз посмотрел вверх. Дерево было прямым и каким-то устремлен-

флейточка... Гена непроизвольно крикнул и потрогал не вполне еще рассосавшуюся гематому на подбородке. Флейточка в руках у мадам Н-Б...

— Эйрика! — вскричал он в который уже раз за это утро. Смешно грустить о флейточке из дерева «сульп», стоя на самом дереве «сульп»! Гена побежал по одной из ветвей третьего яруса, словно по корабельной рее, и добежал до самого ее конца, где имелась нежные отростки. Вынуть верный складной нож, срезать нежный отросток, выбить из него сердцевину и сделать в коре три дырочки — все это было для мальчика делом десяти минут. Через десять минут в руках у него была флейточка. Он дунул, и... странный, протяжный, вроде бы не очень и земной звук вылетел из флейточки. Гигантское монументальное дерево ответило на этот звук чрезвычайно странным рокотом, трепетом, подергиванием всей коры от макушки до корней, словно живое существо. Гена был теперь уверен, что у него есть ключ к сундучку. Он сунул флейточку за пазуху и потуже затянул пояс джинсов.

Он чувствовал, что чудеса сегодняшнего дня еще не кончились, что основные события впереди. Спрыгнув прямо с третьего яруса в пружинистый дерн, он взобрался на скалу и вгляделся в морскую даль, сверкающую уже под молодым оранжевым солнцем. Внизу на

страшной глубине под обрывом он увидел, что поверхность моря рассекают шесть пленных бурнчиков, словно идут ромбом шесть торпедных катеров. Метрах в двухстах под ногами плавала в воздухе крупная чайка. Что-то знакомое сквозило в манере полета этой птицы, что-то родное, домашнее... Так летают крупные чайки-самцы в дельте любимой Невы. Ей-ей, парящая внизу чайка чем-то напоминала дружищу Виссарiona.

— Виссарion! — крикнул вниз Геннадий шутки ради. Прошло несколько секунд, прежде чем голос его долетел до чайки. И тут же птица взметнулась и, стремительно набрав высоту, опустилась на скалу рядом с Геннадием. Это и в самом деле был Виссарion.

Что? Как? Каким образом? Дружище Виссарion, вы ли это? И если это вы, а не ваш океанский двойник, то как вам удалось за столь короткий срок покрыть столь гигантское расстояние? И какова цель вашего прилета на остров Фео?

Все эти вопросы готовы были сорваться с языка Геннадия, но не успели сорваться, потому что Виссарion предварил все эти вопросы одним лишь поворотом головы. Он повернул голову влево и чуть вверх, и Геннадий увидел на шее у сильной птицы кожаное кольцо с кнопкой. Виссарion со спокойным дружелюбием приглашал своего старого приятеля (если птица может так сказать о тринадцатилетнем мальчике) расстегнуть кнопку. Геннадий последовал за этим приглашением и извлек из кожаного кольца письмо, адресованное ему. Письмо было от Питирима Кукк-Ушкина. Оно гласило:

«Привет из Ленинграда!
Многоуважаемый товарищ
Геннадий Эдуардович!

Во имя всего, что дорого человеку, во имя высоких благородных принципов нашей цивилизации сообщая вам срочные новости. На следующий день после отбытия вашего многоуважаемого семейства на праздник дружественной нам малой нации мне позволили из «Интуриста» и сообщили, что во время санитарной обработки в номере отбывшего ранее по собственному желанию иностранного подданного Сиракузерса А. С. найден искомый вами и ранее принадлежащий мне, а ныне братскому эмпирейскому народу предмет.

В присутствии участкового уполномоченного был составлен акт и предмет был передан мне для дальнейшего пользования. Счастлив вам сообщить, что сундучок пребывает в неповрежденном состоянии и в нем по-прежнему что-то стучит. Прошу передать эту новость всему миловидному народу Больших Эмпиреев, за свободу которого бились наши предки под одними парусами. Кстати, не прорастает ли на их территории растение «гумчванс»? Вы знаете, зачем оно мне...

Геннадий Эдуардович, до вашего возвращения во избежание каких-либо повторных

эксцессов я укрыв сундучок в очень надежном месте. На всякий случай, если я вдруг забуду (чего не может быть), запомните четыре цифры, дату Грюнвальдской битвы...»

Внезапно из-за плеча Геннадия на письмо опустилась рука в черной кожаной перчатке. Вторая точно такая же рука каким-то дьявольским стальным зажимом сдавила его горло.

— Какая приятная встреча, Джин Стрейтфонд, сэр, — владелица этих двух рук мадам Накамура-Бранчковска издевательски засмеялась.

Гена почувствовал себя беспомощным: при малейшем движении стальной зажим сильнее сдвигал горло.

Между тем мадам Н-Б, с силой, удивительной для женщины, повлекла тело Геннадия в расселину между скал.

Товарищи Геннадия Фил, Эсп, Зит, Гала и Акси не видели происходящего, занятые наблюдением за единственной стороной склона, по которой бандиты могли бы предпринять штурм вершины. Чайка Виссарийон бесстрашно, не соразмеряя сил, бросилась на защиту своего друга, но силы были явно неравны — мадам увлекала мальчика в расселину. Однако в самый решающий момент в бой неожиданно вступил один из молодых красивых леопардов. Он прыгнул на спину хищнице рода человеческого и спас таким образом Гену Стратофонтону, то бишь Джина Стрейтфонда, от увлечения в расселину, где его, конечно, ждали серьезные неприятности.

Освободившись от стального зажима, Гена отпрыгнул в сторону и увидел перед собой запоминающуюся картину: на ярко-зеленом ковре мха катались, сплетаясь, женщина в черной коже и пушистый леопард. Женщина была страшнее. Каким-то неженским усилием она отшвырнула леопарда, вскочила на ноги, дважды выстрелила в Гену и скрылась в темной расселине.

Пули прошли мимо, но, словно в ответ на эти выстрелы, заговорили вниз автоматы гангстеров.

Гена бросился к своим. Все три летчика и две стюардессы заняли боевые позиции в скалах. Они ждали команды своего юного командира. Гена выглянул из-за скалы и увидел, как по желтому крутому склону лезут вверх Грумло и Пабст, Мизераблес и Латтифудо, Буллит и Тиучан и еще не менее двух десятков бандитов. Эта атака напоминала ему эпизод из любимой когда-то в детсадовский период книги «Остров сокровищ»: атаку пиратов на крепость капитана Смолетта. Вспомнив этот эпизод, он подумал, что их положение гораздо серьезнее, чем у героев Стивенсона, их окружает целый взвод суперсолдат, вооруженных современным оружием и умеющих им пользоваться.

Помощи ждать неоткуда, помощь не предвиделась. Кроме чайки Виссарийона, у них здесь только два союзника — два молодых неопытных леопарда. Кстати, где же эти леопарды? Он оглянулся и ахнул.

По стволу гигантского дерева на лужайку спускались молодые леопарды, но не два, а шесть! Шесть грациозных и сильных зверей с умными и какими-то очень знакомыми глазами. Очередная догадка молнией промелькнула в голове мальчика. Он посмотрел внимательно на столь знакомую ему важно-благожелательную осанку, на расцветку шерсти не очень-то леопардью, а скорее просто кошачью, на пушистые хвосты этих животных и понял, что это — дети Пуши Шуткина, достославного боевого кота, которому он в течение последнего года имел честь предоставлять стол и кров.

— Уж не детей ли своего друга Шуткина я вижу перед собой?! — воскликнул Гена, и молодые леопарды тут же подтвердили его догадку. При имени своего достославного родителя они радостно замыкались, запрыгали и каждый из шести счел своим долгом дружески потереться головой о Генин бок, отчего бок стало немного саднить. Затем леопарды выгнули спины, подняли трубами свои пушистые хвосты (ну вылитый папа!) и всем видом показали, что они готовы принять участие в битве.

— Друзья, — сказал Геннадий летчикам. — Эти молодые животные — наши союзники. Кроме того, в нашем распоряжении чайка-связной, — он повернулся к Виссарийону и обратился к нему с просьбой. — Дружичке Виссарийон, сможете ли вы имитировать человеческую фразу «Чабби Чаккерс, на помощь?»

— Чабби Чаккерс, на помощь! — пророрал Виссарийон довольно похоже.

— Bravo, дружички! В таком случае, летите к морю и кричите эту фразу без остановок. А мы попробуем прорваться, — он посмотрел на часы. — У нас в запасе 0,5 минуты.

— Ах, Гена, — проговорили Гала и Акси, внимательно глядя на него своими большими зурбаганскими глазами. — Какой вы удивительный, удивительный, просто удивительный мальчик!

Гена собрал все силы, чтобы

не побагроветь под этими взглядами, но все-таки побагровел.

— Мисс Гала и мисс Акси, — сказал он учтиво, но все-таки звенящим от волнения голосом. — Я самый обыкновенный, самый обыкновенный, обыкновеннейший подросток.

Ну, вот вам, дорогой читатель, дополнительный штрих к портрету нашего героя. Каково? По излюбленному выражению Валентина Брюквина, как говорится, «ноу комментс».

Справившись с волнением, Гена сделал знак леопардам, и они все семеро (молодые Шуткины плюс Стратофонов) собрались в кружок, голова к голове, как это делают шведские хоккеисты перед началом игры.

Гена что-то шепнул леопардам, и те мгновенно исчезли. Оставшиеся секунды Гена потратил на совещание с летчиками.

Итак, атакующие быстро шли вверх по желтому склону и вели страшный огонь по вершине, то и дело вставляя новые кассеты в свои автоматы. Странное дело — им не отвечали. Они прошли уже половину склона — ни одного выстрела сверху. Наконец они ринулись вперед и добрались до спасительных скал. Быть может, у беглецов уже нечем стрелять?

— Сейчас, ребята, мы их возьмем тепленькими, — прохрипел Пабст. — Бифштекс, три картошки и два помидорчика...

Он захохотал, похлопывая себя по ляжкам, и вдруг завопил от ужаса. На него со скалы, растопырив страшные лапы и жутко шипя клыкастой пастью, падал леопард. Спасительные скалы оказались западней для гангстеров. Шесть леопардов бросились на мерзавцев и взялись терзать их без всякого разбора. В тесноте скального убежища пустить в ход огнестрельное оружие было невозможно. Один за другим вылетали растерзанные, обезумевшие от боли и страха мерзавцы назад на желтый склон, и здесь они попадали под огонь отступающего маленького отряда смельчаков. Ма-

ленький отряд благополучно пересек желтый склон и углубился в джунгли. Они бежали что есть силы к морю. Море, превращавшее остров в естественный капкан, могло стать и дорогой к спасению.

В северной части бухты, затененной прибрежными скалами, бороздили воду шесть дельфиновых плавников, а над ними кружил не кто иной, как Виссарийон, не кто иной, как чайка-посыльный Виссарийон. Он кружил, и кричал, и кричал, и кричал, но за шумом палым его не было слышно. Что касается дельфинов, то они явно плавали не просто так, они плавали отчетливыми кругами и в конце круга каждый из них высоко выпрыгивал из воды, явно показываясь.

Геннадий внимательно вглядывался в крутые лбы и лукавые клювы этих морских чело-веков. Он заметил, что они очень молоды, хотя и огромны. Что-то чрезвычайно знакомое и милое почудилось вдруг ему в манере их прыжков, и вдруг очередная молниеносная догадка (какая уже по счету за этот день) пронзила его.

— Друзья мои, мы спасены! Перед вами дети моего старого друга Чабби Чаккерса! Они посланы нам на помощь!

— Сколько же вам теперь лет, Герман Николаевич? — спросила Даша Вертопрахова одинокого гиганта-островитянина, который, несмотря на свою чрезмерно длинную растительность, от общения с людьми приобрел уже человеческий облик, более того — облик русского человека.

— Не знаю, малютка, — вздохнул гигант и погладил девочку бронзовой рукой по золотистой голове.

— Могу сказать лишь, что чувствую себя сейчас значительно лучше, чем на купании Баден-Бадене, малютка.

Они вдвоем, бронзовотелый старый гигант и стройная девочка переходного возраста, прогуливались, беседуя, по восточному берегу ГФ-39, по маленькой плантации каких-то странных кактусообразных растений, от коих исходил весьма приятный аромат.

— Любопытно было бы узнать, что за растение вы выращиваете в своем уединении, любезный Герман Николаевич? — поинтересовалась Даша.

— О, это чрезвычайно редкие растения, малютка, — сказал Фогель, — и выращиваю я их не из плотоядных побуждений, а лишь ради их запаха и дивной смолы, так напоминающей родную Прибалтику. Это растения «гумчванс», малютка. Я привез их семена еще из Перу в 1917 году...

— Как! — вскричала Даша. — Да знаете ли вы, любезный Герман Николаевич...

И она рассказала одинокому островитянину об изысканиях его ленинградского родственника Питирима в области идеальной еды. Сообщение это очень взволновало Фогеля. Как?! Его трудолюбивый двоюродный племянник нуждается в каких-нибудь нескольких граммах смолы «гумчванс» для завершения своих гениальных опытов, а у него здесь этой смолы в избытке... Даше даже показалось, что одинокого островитянина потянуло куда-то вдаль, может быть, даже в родной город, на канал Гриводева... Вдруг!

— Пароход! — закричала, едва ли не завизжала Даша. — Герман Николаевич, взгляните — на горизонте пароход!

Океан штормило. Косматые валы шли чередой с юго-востока и разбивались о коралловые рифы в километре от острова, но тем не менее на горизонте действительно было отчетливо видно белое пятнышко — пароход!

— Удивительно, — сказал Фогель. — Вот уже десять цветений «гумчванс» я не видел на горизонте ни одного парохода. Мой остров, малютка...

«Малютка» его не слушала. Она неслась со всех ног к штабу экспедиции, где вот уже несколько часов разбирались различные варианты спасения.

Юрий Игнатьевич Четверкин, Г. А. Помпезов, Фуруруа Чуруруа, папа Эдуард, баба Маша и мама Элла вкупе с английским пастором, итальянским коммивояжером и отцом семейства хиппи совещались, потягивая напиток, настоенный на смоле «гумчванс». Обстановка была идиллическая, а положение между тем вполне серьезное. Пищевых ресурсов атолла ГФ-39 хватало бы всем пассажирам «ЯКА-40» на 3—4 полновесных обеда и на столько же завтраков. Разумеется, рядом был океан с его неисчислимыми ресурсами, но для того чтобы обеспечить всех рыбой или моллюсками, нужна была бы целая артель рыбаков такого класса, как Фуруруа Чуруруа. Кроме этого вопроса первичной важности, всех, разумеется, беспокоили и другие важные вопросы. Ведь не моллюсками же одними, не кокосами, не рыбой же

жив человек. В частности, необходимо было довести до сведения человечества весть о преступлении международной мафии, о захвате бандитами национального достоинства Больших Эмпиреев. Короче говоря, надо было выбраться. Каким образом? Разбиралось два основных варианта. Первый заключался в том, что вождь Фуруруа Чуруруа на своем стремительном каное скользит к ближайшим центрам цивилизации и вызывает помощь. Второй состоял в строительстве на атолле собственного плавсредства, способного вместить всех пострадавших. Надо ли говорить о том, сколько минусов было у этих двух вариантов? И между прочим, главный минус был у всех перед глазами — лохматые валы, свирепеющий с каждым часом океан.

И вдруг прибежала Даша Вертопрахова с криком: «Пароход, пароход!» Все вскочили, взбежали на малый холм ГФ-39 и впрямь увидели среди волн какое-то белое судно.

Увы, оно было слишком далеко и по всем признакам не собиралось подходить ближе. Сигнализировать выстрелами? Бессмысленно. В шуме океана моряки не услышали бы даже голоса солидной пушки. Ракетами? Но ракет не было. Дымом, как в старину? Что ж, можно и попробовать, но увидят ли? И, наконец — плыть к этому далекому белому пароходу, который по неизвестной причине дрейфует на траверзе ГФ-39... такая задача была по плечу лишь одному человеку, и все молча повернулось к интеллигентному вождю Фуруруа Чуруруа.

Но даже этот незаурядный человек, в мужестве которого нам не приходится сомневаться, усомнился в своих возможностях.

— Мадам и месье, я могу попытаться счастья на своем стремительном каное, но, увы, я не уверен, удастся ли мне преодолеть в такую погоду рифовое кольцо, а оставлять вас одних...

Все обратили теперь взоры к кипящему в белой пене рифовому кольцу и ахнули: в этих ужасающих водоворотах мелькали темноволосая голова и оранжевые спасательный жилет одинокого пловца.

— Кто этот удивительный смельчак? — вскричали все присутствующие.

— Это Валентин Брюквин, наш одноклассник, — тихо сказала Даша Вертопрахова. Лицо ее было чрезвычайно бледным, но круглый, как солнечный зайчик, румянец гордости за свой класс прыгал с одной бледной щеки на другую и освещал ее синие глаза.

Это был «звездный час» Валентина Брюквина. Фыркая и отплываясь, он плыл вольным стилем, уже за страшным рифовым кольцом, но все еще не видя за водными валами своей цели — белого парохода.

«Доплыву или не доплыву, но подвиг уже налицо, — думал Брюквин и фыркал в наветренную сторону. — Ноу коммент!»

Между прочим, он был не лишен самоиронии — ведь плыл-то все-таки он не за подвигом, а для того, чтобы помочь товарищам по

несчастью. Он плыл среди страшной стихии, этот скромный и смелый мальчик, и проявлял к себе самоиронию, то качество, без которого ни один человек не может называть себя джентльменом.

Временно исполняющий обязанности капитана научно-экспедиционного судна академии наук «Алеша Попович» Олег Олегович Копецкий стоял в рубке, глядя на пенные гребни волн заставшим взглядом и бормотал себе под нос:

«...Там Зевс, как бык, в бурунах пенных вод
Уносит в сумрак нежную Европу...»

Качка была основательная. «Попович» шел малым ходом, таща за собой трал по гребню подводной коралловой гряды.

— Олег Олегович, — всуулся в рубку радист. — Капитан из Ленинграда запрашивает — выраем уже трал или еще не выраем?

— Отвечай капитану, — сухо сказал Копецкий. — Там Зевс, как бык, в бурунах пенных вод уносит в сумрак...

— Человек за бортом! — закричал, не веря своим глазам, рулевой.

— Олег Олегович, человек за бортом!

С большой зеленой волны скатывался, словно животом на санках, человек в оранжевом жилете.

— Аврал, — коротко сказал и. о. капитана и забыл про стихи.

в которой
идут в ход
мокрые деньги

Смешно сказать, но первое, что увидел Гена на набережной Оук-Порта, был его собственный памятник. Он помнил о пристрастии эмпирицев к скульптурному искусству, о бесчисленных мраморных, бронзовых, чугунных и гранитных конях, львах, дельфинах, наядах, не говоря уже о величественном памятнике его собственному предку, но предположить, что островитяне успели за истекший год свалить памятник его собственной, еще не вполне сформировавшейся персоне он не мог.

И вот, подплывая верхом на Бинге Старе, первом сыне Чабби Чаккерса, к набережной волшебного Оук-Порта, он вдруг увидел свою собственную бронзовую фигуру. Поистине это был первый в мире памятник юному существу в расклеванных джинсах. Даже музыканты ансамбля «Битл» еще не удостоились такой чести.

Признаться, Гена рассердился. С раннего детства он не устал повторять, что ему «наплевать на бронзы многопудые, и вот на тебе — собственный памятник. Он даже похолодел слегка, вообразив реакцию Вертопраховых.

«Заберу его с собой и спрячу в ванной», — решил он и оглянулся. Все его спутники торжественной кильватерной колонной плыли в бухту. Гала верхом на Элле, Акси верхом на Арете, Фил на Хиле, Эсп на Коубзоне, Зит на Дилане. Чайка Виссарин прикрывала караван с воздуха.

Вдруг какое-то мощное, как торпеда, тело описало стремительную окружность и затормозило рядом с Бинго Старом. Вскрикнув от радости, Гена соскочил в воду, чтобы заключить в объятия своего верного Чабби Чаккерса, отца этих шестерых красавцев.

— Привет, Генюк, — смущенно зафыркал Чабби. Он всегда старался смущенным пофыркиванием прикрыть переполнявшие его добрую душу чувства. — Дико рад тебя видеть, кореш. Я послал своих ребят с этой птичкой на поиски, и вот ты здесь.

— Чабби, дорогой, твои ребята явились как раз вовремя! Как я рад снова увидеть тебя и милый твоему сердцу Оук-Порт! — Гена не мог скрыть своих чувств. — Однако, Чабби, знаешь ли ты, что все наши улетели с острова Фео в неизвестном направлении? Я очень волнуясь...

— Не волнуйся, старина, — сказал Чабби Чаккерс. — Там все в ажуре. Всех до единого подобрал корабль науки «Алеша Попович». Сейчас сюда топают. Смотри, тебя здесь ждут.

По мраморной лестнице к морю с распростертыми объятиями бежала живописная толпа эмпирицев, в которой Гена увидел много

жество знакомых лиц — и Рикко Силу, и Пафнутти Кучче, и Токтомурана Джечкина, и Ферцига, и Градуса и др... и др...

Грянул оркестр. Мокрый мальчик взлетел в воздух. Пафнутти Кучче залез на постамент и, держась могучей рукой за бронзового мальчика, закричал:

— Ура! К нам прибыл наш любимый Джинадо! Праздник, посвященный открытию национального музея, объявляю открытым! По просьбе трудящихся четыре выходных дня этой недели соединяются с тремя выходными днями будущей недели! Открыть все фонтаны!

Ликующая толпа подхватила и его, увесистого премьера — качать!

Качали долго. Гена и Пафнутти иногда встречались в воздухе и обменивались рукопожатиями. Гена изловчился и как-то раз на высшей точке подброса обхватил премьера за шею и шепнул ему:

— Дорогой Пафнутти, распорядись прекратить качание наших тел! Мне необходимо немедленно связаться по телефону с Ленинградом.

Качание было приостановлено, и Гена вместе с премьером, похожим на пушечное ядро, румяным и энергичным, пустились бегом по площадям и переулкам столицы к телефонной станции.

— Увы, господин премьер-министр, — сказала со вздохом красавица телефонистка, — я вынуждена вас огорчить. Республика превысила свой лимит по телефонным разговорам в сто семьдесят семь раз. После праздников телефонная станция конфискует государственный банк. Увы, господин премьер-министр. Увы, — она пленительно улыбнулась Геннадию, — увы и вам, наш юный кумир Джинадо Стратофудо.

— Мокрые деньги вас устроят? — спросил Геннадий и извлек из своих джинсов рубль, франк и несколько зурбаганских зуров.

— Подходяще! — повеселела красавица телефонистка и взялась за соединение с Ленинградом.

Дело это было нелегкое — весь мир пересчитывал свои деньги, и поэтому шум по всем каналам стоял страшный.

Геннадий тем временем рассказывал своему высокопоставленному другу всю историю «сундучка, в котором что-то стучит». — ...и вот ты понимаешь, Паф, письмо Питирима Куку-Ушкина находится сейчас в опасных руках Накамура-Бранчковской. От этой особы можно ждать всего. Я не удивлюсь, если она завтра же окажется в Ленинграде. Что такое дата Грюнвальдской битвы?

— Быть может, это шифр? — предположил премьер-министр. — Может быть, шифр какого-нибудь сейфа.

— Да-да, вполне возможно... — задумчиво проговорил Гена. — Питирим Куку-Ушкин мог специально для этого дела сконструировать какой-нибудь особенный сейф.

— Товарищ Стратофудо, поговорите с Ленинградом, — вдруг равнодушным голосом сказала телефонистка-красавица, как будто ей ничего не стоило пробраться сквозь хаос мировой валютной системы.

Гена бросился, схватил, заорал «алло-алло» и вдруг очень близко услышал спокойный мужской голос:

— Кандидат технических наук Рикшетников Николай Николаевич слушает вас.

— Николай, вы знаете дату Грюнвальдской битвы? — срывающимся голосом спросил Гена.

— Как всякий культурный человек, — сказал капитан Рикшетников. — Знаю. Одна тысяча четыреста десять.

Вечером Геннадий завтракал в кругу своих близких эмпирейских друзей в ресторане на крутом бастионе крепости Оук-Порта.

В связи с финансовыми трудностями республики на столе не было никаких деликатесов, только скромная местная пища: устрицы, лангусты, крабы, белая икра доисторической рыбы цалакант, эскарго, авокадо, грейпфруты, цитонеллы и лайм-тоник.

— Конечно, было бы удобно, если бы в сундучке оказались кое-какие материальные ценности, — сказал «лучший футболист вселенной» Рикко Силла. — Мы бы построили на них крупнейший футбольный стадион. Больше, чем «Маракана» в Рио-де-Жанейро. Вся республика поместится и еще пригласим зурбаганцев.

— Да-да, стадион! — поддержал его пылко бывший президент и вратарь национальной команды, а ныне парикмахер Токтомуран Джечкин. — Только не такой уж большой. На-

до оставить средств для огромной, самой большой в мире парикмахерской. Чтобы весь мир ездил к нам стричься!

Гена вдруг заметил, что Рикко Силла по-мрачнел и посмотрел на Джечкина с несвойственной ему агрессивней.

— Стадион стадион, парикмахерская парикмахерской, а построить надо огромную телефонную станцию, — веско заметил премьер-министр.

— Никаких парикмахерских и никаких телефонов! — Рикко Силла брякнул по столу своим самым красивым в мире кулаком.

— Никаких стадионов и никаких телефонов! — выдал свои истинные намерения Токтомуран Джечкин. — Детский период истории кончился! Хватит играть, пора стричься!

— Никаких стадионов и никаких парикмахерских! — премьер-министр ладонями выбил дробь не хуже джазового барабанщика. — Нам нужна связь! Огромный телефон решит все проблемы!

Все трое мрачно посмотрели друг на друга. Ой, как Гене это не понравилось! Год назад такая сцена между тремя закадычными друзьями была бы немислима.

— Друзья, не сорветесь! — сказал он им, умудрившись положить две свои руки сразу на три плеча. — Иной раз культурные ценности бывают гораздо важнее материальных.

Все трое посмотрели на Гену, и их взаимная неприязнь тут же рассеялась.

— Устами мальчика-героя подчас вещает истина, — произнесли они все трое старинную эмпирейскую народную поговорку и улыбнулись, и искорки из восьми дружеских глаз, не разделенных даже на пары, а соединенных в одно красивое загадочное созвездие, поднялись над ночным Оук-Портом, чтобы присоединиться к бесчисленным звездам мироздания, и на этом наша повесть закончилась, оставив место лишь для трех небольших эпилогов.

Каковы, однако, законы приключенческого жанра? Да и можно ли вообще называть их законами, если мы на одной стороне повести можем скакнуть с бастиона крепости Оук-Порта в камеру хранения Витебского вокзала, что на Загородном проспекте Ленинграда (следующая остановка «Технологический институт»)? Из такой невероятной романтики — сразу в обыкновенную прозу, на Витебский вокзал.

А ведь слово Витебск, между прочим, не такая уж и проза. Великий художник Марк Шагал, например, показал нам такой фантастический Витебск, что ни один писатель-приключенец за ним не угонится.

Ну, впрочем, это к слову, мы и гнаться за Шагалом не собираемся. Мы входим в зал камеры хранения вслед за сутулым старичком-дачникком. Знаете, бывают такие старички-дачники в прорезиненных плащах, побелевших от старости по швам, в обихищих шляпках из рисовой соломы, с двумя-тремя саженцами в руке и с ведерочком чернозема. Таких и наш старичок, эдакий отставной Буашкин, приятель поэта Андрея Вознесенского.

Он направился в серые коридоры автоматических камер, смиренно поставил свое ведерочко на кафельный пол возле одной из них, засунул пальчик в вязаную перчатку в диск и тихо набрал дату Грюнвальдской битвы — тысяча четыреста десятый год. Дверь камеры открылась, и старичок достал оттуда сундучок. Извините, любезный читатель, за неуместную рифму.

Тут нервы старичка малость сдали, и он, воскликнув что-то на неизвестном языке, мягко опустился на пол, откуда и был поднят железной рукой капитана Рикошетникова. Рядом с Рикошетниковым находился его новый друг участковый уполномоченный милиции Бородин В. П.

«Вот ведь какая штука, — думал Бородин, — передо мной обыкновенный старичок, никакой не чужак, не фантазия. Ни малейших поплзновений к проверке не вызывает. А ведь не подошли бы, не проверили, и улетела бы птичка».

Капитан Рикошетников между тем деликатно и осторожно снял с лица «старичка» тончайший пластиковый грим и обнажил сатанински красивое лицо Накамура-Бранчковской.

— Браво, мадам! Ко всем вашим прочим талантам прибавился талант трансформации..

— Я протестую! — слабо сказала уставшая от борьбы за власть женщина. — Протестую против насилия над пенсионером.

— Пройдемте, товарищ, — мягко сказал Бородин. — Сорри, дорогой товарищ, сюжет не терпит задержек.

Он увел «пенсионера» в соответствующие глубины Витебского вокзала, а капитан Рикошетников с заветным сундучком под мышкой вышел на Загородный и кликнул такси.

Случилось так, что я как раз ехал мимо на своем «жигуленке» и, пользуясь правом старого знакомства, пригласил капитана Рикошетникова в свою машину.

— Вот, — сказал он, похлопывая по сундучку. — Скоро увидим, что там такое.

— Сегодня же и увидим, — сказал я. — Вас давно уже все ждут на улице Рубинштейна.

— Кто это все? — удивился капитан.

— Все герои нашей повести, начиная с Гены Стратофонта.

— Позвольте, но я только несколько часов назад говорил с ним по телефону. Он еще не мог прилететь с Больших Эмпиреев!

— Простите, но это небольшой авторский произвол, — смущенно сказал я. — Мы сейчас переедем с вами из первого эпизода во второй. Садитесь!

Под медной лампой, сделанной из кормового корабельного фонаря, всем нашлось место: и детям переходного возраста, и их сорокалетним родителям, и старшему поколению. Был здесь даже вновь обретший родину и вторую часть своей фамилии Герман Николаевич Фогель-Кукушкин, одетый во вполне приличную серую пару из магазина «Великан».

— Я волнуюсь, малютка, — шептал он Даше Вертопраховой.

Все немного волновались, несмотря на свои стальные нервы. Даже автор малость суетился. Итак, Гена вынул из-за пазухи свою заветную трубочку, сделанную из нежного отростка дерева «сульпы» и — подул!

Раздались эти странные звуки, уже дважды описанные в повести, и сундучок спокойно и непринужденно раскрылся. Древними пустынными временами дохнуло изнутри. Все смолкло.

— Гена, доставайте ценности. Это ваше право, — дрожа от волнения, сказал автор.

Ценности оказались культурными!!! Это было письмо прародителя Еона трем его сыновьям: Мису, Маку и Тефя, написанное на клочке древней кожи.

О сыновья благородные, милые дети!
К вам обращается Еон прародитель,
душою смущенный.
Пойман был нами сегодня в капкан хитроумный
Мамонт ужасный, приплывший сюда издалека.
Дети родные, мы вместе сражались
с жестоким пришельцем,
Мы не дрожали пред пастью его,
что дышала вулканом.
Мис-весельчак,
ты всадил ему дротик под ребра!
Доблестный Мак
укротил его рык преотличнейшей глыбой!
Ловкий Тефя,
подобравшийся сзади, пришилили
Острым ножом его ухо к подножию сульпы.
Мне, смельчаки, вы оставили дело пустое —
Просто добыть исполнина любимой мотыгой.
Ныне победу великую
праздновать мы собрались...
Что ж я ловлю в ваших взглядах
раздора летучие тени?
Шкуру вы стали делить побежденного зверя,
Ввергла вас в ссору лихую простая дележка.
Мис пожелал себе сделать
из шкуры кафтанов,
Чтобы гулять, поражая вокруг
всех гагар и дюгоней.
Мак вознамерился сделать
из шкуры каное,
чтобы к сиренам на Фухе
добежать побыстрее.
Даже милейший Тефя разгорелся гордыней,
Хочет из шкуры он всей
понаделать игрушек,
С ними в дубравы уйти,
своих обезьян потешая.
Вижу я, Мис-весельчак,
как ты ищешь глазами свой дротик.
Доблестный Мак, ты уж взялся руками
за жуткую глыбу.
Ловкий Тефя, отпусти своих замыслов рой
из красивой головки на волю!
Дети, не ссорьтесь, не хмурьтесь
и шкуру делите по чести!
Дети, мы очень слабы
перед грозной игрою природы!
Если поссоритесь вы меж собою,
будете вдвое слабее.
Будущий мамонт, приплыв из косматых
пространств на любимый наш остров,
По одному вас пожрет без труда
и за милую душу.
Вот мой завет, прародителя Еона. Ребята!
Вместе сражайтесь и в мире делите
победную шкуру!
Если же схватитесь вы меж собою
в постыднейшей склоке,
Вам не видать ни сирен, ни макак,
ни дюгоней прелестных!

Мир и согласие! — зывают к вам звезды.
Мир и согласие! — вам волны гремят.
Мир и согласие! — это ваш воздух.
Мир и согласие между тремя!

Конечно, культурную ценность этого письма из глубины веков трудно было преувеличить. Никакие «атомные бриллианты», никакие самые невероятные материальные сокровища не стоят даже двух слов призыва к миру, а тут был целый монолог и чей — прародителя Еона!

За столом, среди персонажей, воцарилось ликование. Нет, не зря тонули в океане и подвигались смертельным опасностям — маленькому народу Больших Эмпиреев этот сундучок явно не повредит.

Ликование еще больше усилилось, когда узнали, что Питирим Филимонович вместе со своим ближайшим другом, продавщицей модного магазина Дорой Семеновной Клобс принесли к пиршеству целую огромную кастрюлю с первой порцией только что синтезированной и уже облагороженной смолы «гумчванс» универсальной еды. Все персонажи весьма оживились, а особенно животные, среди которых был и ирландский сеттер Флайнг Ноуз, который не играл в нашей повести никакой роли, а только лишь иногда оживлял картину. Все получили по несколько кругляшков, все попробовали, и всем очень понравилось. Мало того, все нашли, что эта универсальная еда чрезвычайно напоминает какую-то вкусную обыкновенную еду. Тут Питирим Филимонович слегка заволовался. И помрачнел.

— Скажите, а сколько будет стоить ваш продукт? — поинтересовались некоторые из присутствующих.

— 20 копеек килограмм, — ответил Питирим. — Не дороже картошки.

— Эврика! — воскликнули тут дети. — Да ведь это же печеная картошка!

Взрослые смущенно переглянулись; дети были правы — синтезированная за сорок лет универсальная еда в точности напоминала очень вкусную, но обыкновенную печеную картошку. Дора Семеновна Клобс хлопотливо бросилась к Питириму Филимоновичу.

— Оставьте меня! — рявкнул тот. Он сидел неподвижно, белый как мел.

— Дружбе Питирим! — обратился к нему Юрий Игнатьевич Четверкин от лица всех присутствующих, включая автора. — Ты сделал большое дело! В конце концов мир только выиграет от того, что в нем будет больше печеной картошки!

Улыбка старого авиатора была так простодушна и заразительна, что и Питирим Филимонович невольно улыбнулся.

В разгаре ликования наш главный герой Еннадий тихонько проследовал в ванную комнату. Он хотел убедиться — достаточно ли надежно укрыта вафельными полотенцами его бронзовая копия. Ведь если ее ненароком увидят сестры Вертопраховы, особенно Наташка, не оберешься тогда издевательств.

Он тихо открыл дверь и увидел Наташу, а перед ней самого себя в бронзовом варианте. Все полотенца были удалены и валялись на полу. Наташа что-то сердито говорила скульптуре, как будто отчитывая его самого, Гену Стратофонтова, предупреждала скульптуру

Теперь, когда все так благополучно разрешилось, нас могут спросить: все ли персонажи пристроены и не брошен ли нами на произвол судьбы злополучный Сиракузерс.

Ну, акула мясного бизнеса, ну, воротила фондовой биржи, но ведь оставили-то мы его

— Ноу комментс, — заключил Брюквин.

Акула же все забыл, ничего не помнит, никакого острова вокруг не осознает, весь день он бродит среди своих «реликтов памяти», плачет и смеется, вспоминая бандитскую юность и коммерческую зрелость, а вечерами просит привязать его к полюбившейся пальме, что охотно выполняют мирные служащие И.-М.-С. Пабст и Грумло.

Повесть В. Аксенова «Сундучок, в котором что-то стучит»
была впервые напечатана в журнале «Костер»
(Ленинград) в №№ 1 (Гл. I – III), 2 (Гл. IV – V),
3 (Гл. V – VII) и 4 (Гл. VII – Эпилог III) за 1975 г.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.